
Павел Марушкин
III
СТАРАЯ КОНТРА
КАЮКЕР
И
УХАЙДАКЕР
18+

Павел Марушкин

Каюкер и ухайдакер
III. Старая контра

«Автор»
2026

Марушкин П. О.

Каюкер и ухайдакер III. Старая контра / П. О. Марушкин — «Автор», 2026

Как известно, для Великих Магов послать кого угодно и куда угодно — не проблема. Но, в отличие от прочих условно-разумных созданий, Великие Маги посылают так, что выбраться из тех мест - задача повышенной сложности! Иннот, безбашенный охотник на монстров, испытал это на собственной шкуре. А в славном городе Бэбилоне меж тем готовится неслыханное по своей наглости ограбление банка...

© Марушкин П. О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 9
Глава 2 20
Глава 3 31
Глава 4 39
Глава 5 51
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Павел Марушкин
Каюкер и ухайдакер III. Старая контра

Название: Старая контра
Автор: Павел Марушкин

Пролог

Он стоял на Малом Радиусе — самой верхней из обзорных площадок, и с наслаждением вдыхал напоённый озоном воздух. Ниже, на Среднем Радиусе, проходила очередная тренировка — прозелиты в снежно-белых кимоно в медленном темпе исполняли ката «атакующий грохмант», самое простое из всех. На широкой площадке Большого Радиуса застыли фигуры неофитов в кимоно цвета грозовых туч — эти изучали под руководством одного из адептов мастерство равновесия. Чуть поодаль группа корифеев в чёрных очках предавалась медитации. Иерофант глубоко вздохнул и обратил свой взор в сторону горного хребта. Оттуда, клубясь и царапая брюхо об острые верхушки скал, наползали пухлые тучи. «Идёт гроза», — подумал иерофант. Впрочем, он знал это ещё вчера; многочисленные приборы монастыря могли с точностью определять погоду на несколько суток вперёд.

Он раскинул руки и улыбнулся налетевшему ветру. Полы просторного одеяния, цветом соперничающего с приближающейся бурей, взметнулись за его спиной, словно крылья. Длинные седые волосы, прихваченные широкой повязкой, потрескивали. С кончиков пальцев потекли бледные струи холодного фиолетового огня, и такой же огонь срывался с острия вознесённого над миром шпиля.

Двери за его спиной бесшумно раздвинулись. Иерофант прикрыл глаза тяжёлыми веками. По слабой пульсации ауры он определил вошедшего: память услужливо подсказала, кому принадлежит этот затейливый рисунок интерферирующих энергий.

— Приветствую тебя, Двакро. Лёгок ли был твой путь?

— Приветствую тебя, Верховный. Твой третий глаз, как всегда, зорок. Путь мой и вправду был не слишком труден, хотя и не лишён приключений.

— Вот как? — Иерофант обернулся и чуть приподнял густую белую бровь. — Поведай мне о них.

Адепт Двакро улыбнулся и пригладил влажные волосы. Сушильная камера у Подводных Врат снова барахлит, с неудовольствием отметил иерофант.

— Сушилка в полном порядке, — словно прочтя его мысли, вздохнул Двакро. — Дело, скорее, во мне. Я поторопился. За долгие месяцы пребывания в миру я утратил свою безупречность, Верховный. Прошу определить мне послушание, дабы я мог восстановить её.

Иерофант положил ладонь на плечо адепта — тот слегка вздрогнул от проскочившего между ними статического разряда.

— Наше сердце зачастую мудрее нас самих, Двакро. Если ты спешил, этому была причина, я не сомневаюсь. На коллегии корифеев ты расскажешь всё подробно, а сейчас, прошу тебя, поведай мне о своих приключениях вкратце.

— Я не выполнил миссию, Верховный. Следы этой вещи безнадёжно утеряны...

— Мы ведь с самого начала допускали такую возможность, верно?

— Да, это так. И всё же у меня была надежда...

— Не каждой надежде суждено сбыться... А каковы же те приключения, о которых ты упомянул?

— За мною следили.

— Вот как? — улыбнулся иерофант. — И что же? Кто-то возымел безрассудное желание напасть на метеоролога?

— Нет. Более того, этот паренёк... Вскоре он даже перестал таиться и шёл за мною открыто.

— Смог ли ты прочесть его ауру?

— До некоторой степени... Я увидел её, но так и не понял, что же именно я вижу. Такое впечатление, будто в нём слиты воедино несколько отличных друг от друга сущностей, как

ни глупо это звучит... Я решил, что тебе будет интересно взглянуть на него, пока он не ушёл, поэтому и торопился. Но враждебных намерений в нём я не ощутил. Вот любопытство — другое дело.

— Среди жителей Леса иногда наблюдаются удивительные феномены натуры, — пожал плечами иерофант. — Но не думаю, чтобы у меня было время на изучение каждого такого случая. Удовлетворять же любопытство чужаков мне и вовсе не с руки; есть куда более важные дела.

Адепт Двакро склонил голову.

— Я не виню тебя, — мягко сказал ему собеседник. — Раз уж ты поднялся сюда, прошу, раздели со мной трапезу.

— Это большая честь для меня, Верховный...

— Мы будем принимать пищу здесь. Я люблю наблюдать за приближающейся грозой, — пояснил иерофант.

— Она великолепна, — согласился адепт, протянув ладони навстречу ветру.

— Да... И ещё похожа на нашу жизнь — со всеми её метаниями и яростным напряжением, которые тем не менее проходят бесследно, оставляя после себя чистую лазурь небес.

Двери снова разъехались в стороны. Появился неофит, толкающий перед собой лёгкий столик на колесиках. Остановившись в трёх шагах от говоривших, он отвесил глубокий поклон и застыл в неподвижности. Только волосы на его макушке чуть шевелились под воздействием атмосферного электричества.

— Принеси ещё один бокал, — сказал ему иерофант.

— Он хорошо двигается, — одобрительно заметил Двакро, когда двери закрылись. — Искусство равновесия сей отрок почти постиг.

— Но не совсем, — возразил иерофант. — Ему ещё надо поработать над стопой левой ноги.

— Суждение Верховного, как всегда, безупречно…

Трапеза была спартанской — пиала распаренного в кипятке ячменя и небольшой панцирный гриб, впрочем, весьма искусно приготовленный и поданный с чесноком и имбирным корнем. Адепт Двакро уселся перед низеньким столиком в позу лотоса, взял предписываемые традицией бамбуковые палочки и не спеша отведал кушанье. Иерофант последовал его примеру.

— Однако же мне показалась весьма необычной настойчивость, с которой этот незнакомец следовал за мною, — продолжил беседу адепт.

— На что только не подвигает людей любопытство! К сожалению, никто не учится на ошибках своих предков... Ведь это пагубное чувство редко ведёт к добру, чему есть немало подтверждений.

— Возможно, этот человек слышал что-нибудь о нашем монастыре?

— Вряд ли, — покачал головой иерофант. — Для Города и Леса место сие скорее легенда, чем быль.

— При всём моём уважении к тебе, Верховный, я хотел бы заметить, что любое знание подобно воде — оно не имеет границ и легко просачивается в малейшую щёлку...

— Я вижу, почтенный Двакро, ты пытаешься склонить меня к действию! — улыбнулся иерофант. — Однако, полагая недеяние наивысшей добродетелью, я воздержусь от поспешных шагов. Что же касается этого незнакомца — не раз ведь уже бывало так, что подножия башни достигали незваные гости, поражённые её величием. Устав монастыря гласит: каждый может приблизиться, но войдёт лишь избранный. Доныне порог сей обители переступала лишь нога прозелита, того, чью кандидатуру одобрил шаман племени, и никак иначе! Не нам с тобой менять этот обычай.

— Несомненно.

Принесли бокал для адепта. Над жидкостью плясали чуть заметные лиловые сполохи коронного разряда.

— Через три с половиной часа колокол возвестит начало заседания. Я бы рекомендовал тебе отдохнуть и расслабиться; ведь на коллегии такой возможности не будет. Сходи в термы, попарься как следует.

— С твоего позволения, Верховный, я бы хотел предаться медитации, дабы очистить от суетных порывов свой дух.

— Ну что же, да будет так. Однако сперва, как того требует обычай...

Хрусталь зазвенел о хрусталь. Адепт сделал глоток и с трудом перевёл дыхание, ощущая выступившие в уголках глаз слёзы. «Такое впечатление, что любимый напиток иерофанта с каждым разом становится всё крепче и крепче! Из чего он гонит эту адскую жидкость, хотел бы я знать?!»

Старец между тем, негромко булькая, осушил свой бокал до дна и, довольно крякнув, поднёс к ноздрям широкий рукав.

— Трансцендентально! Ну что, может, накатим ещё по одной?

— Печень отлетит, Верховный! — спёртым голосом просипел Двакро. — А следом и почки...

— Ну, как знаешь. Ладно, друг мой. А скажи, о чём нынче пишет вавилонская пресса?

— Да как всегда. Убийства, грабежи, скандальная жизнь богемы, немножко сверхъестественного...

Иерофант продолжал расспрашивать адепта о каких-то малозначительных вещах, улыбаясь и кивая в нужных местах. Вместе с тем вторая, незримая его сущность обращалась с безмолвными вопросами к Двакро — вопросами, слов для которых в человеческом языке не существовало; и сущность адепта покорно давала на них ответы. Обычные уровни сознания иерофанта не воспринимали ничего из этого диалога, где смыслы вспыхивали подобно молнии, чтобы тут же угаснуть — да в этом и не было необходимости. Достаточно того, что он фиксировал самый факт происходящего обмена. Позже, если потребуется совершить деяние, его высшая суть подскажет правильное решение, опираясь на полученные знания, о которых сам он не имеет ни малейшего понятия...

Глава 1

Много лет назад
В тени чужих мостовых
Я увидел тебя и подумал:
Как редко встречаешь своих!
Как оно было тогда —
Так оно и есть...
Сегодня я прощаюсь,
Послезавтра я опять буду здесь.
Борис Гребенщиков «Послезавтра»

* * *

— За свои многочисленные преступления, как-то: разбой, грабёж и пиратство, обезьянец Изенгрим Фракомбрасс, по кличке Ёкарный Глаз, приговаривается к повешению!

Тревожная барабанная дробь раскатилась над площадью. Капитан Фракомбрасс гордо вздёрнул подбородок. Виселица представляла собой высокий, обшитый досками квадратный помост. Знакомая Г-образная загогулина отбрасывала длинную тень на ряды солдат; пеньковая петля с тяжёлым узлом, предназначенным ломать шейные позвонки, чуть заметно покачивалась в воздухе.

Внизу, за двойным оцеплением, волновалось людское море. Да, всё верно: даже если ему удастся прорваться сквозь строй, в этой толпе он увязнет, как в болоте. Помощники палача накинули на плечи пирата длинный, до пят, белый балахон с глубоким капюшоном.

— Последняя просьба! — сквозь зубы процедил капитан. — Лицо не закрывайте!

— Не положено, — возразил стражник.

Фракомбрасс и сам это знал, однако продолжал пререкаться. Пальцы связанных за спиной рук между тем лихорадочно перерезали верёвку половинкой бритвенного лезвия. Сейчас от этой тонкой стальной пластинки зависела его жизнь. «Не обольщайся призраком свободы, — сказал ему вчера жуткий старикан, глава тайной-как-её-там-службы, вручая бритву. — У тебя только один шанс на спасение — делать в точности то, что я говорю. Иначе тебе конец». Ёкарный Глаз не торопился уйти в бескрайние поля Джа. В данный момент он готовился прыгнуть в канализацию, когда верёвка оборвётся под его весом. Люк, присыпанный соломой, находился под помостом. «Секунд шесть-семь форы у тебя будет точно, — сказал Каракозо. — Может, даже больше; но рассчитывай на всякий случай только на это. Итак, одну секунду ты будешь падать. Потом тебе надо сбросить с шеи петлю. На это — две с половиной секунды, максимум три. Ещё две на то, чтобы добраться до люка и разбросать солому. Он расположен в полутора метрах от того места, куда ты упадёшь. Крышка будет слегка сдвинута, чтобы ты сразу мог её поднять. Остаётся ещё одна секунда на случай какой-нибудь неожиданности. В канализацию смело можешь бросаться вниз головой; там неглубоко». Ёкарному Глазу этот расписанный, словно по нотам, план совсем не нравился; особенно «неожиданности», на которые отводилась всего одна секунда. «Нет времени придумывать что-то ещё, — отмёл все возражения его собеседник. — Это твоя последняя надежда». Фракомбрасс понимал, что по-настоящему он будет свободен лишь краткие мгновения: скорее всего, в канализации на него сразу же наденут наручники. Каракозо не станет рисковать: слишком уж жирный куш маячит у него перед носом. «Знал бы ты правду, — подумал пират. — Такой хитрый человечек, опасный, как горная мамба... И такой глупый. Как и все они. Людишки...»

Фракомбрасс наконец почувствовал, что путы, стягивающие запястья, начинают ослабевать. Палач между тем накинул ему на шею петлю. Пират с содроганием ощутил прикосновение верёвки сквозь грубую ткань балахона. Мерзко пахнуло хозяйственным мылом. Палач деловито затянул узел, подёргал его и отступил к рычагу — Фракомбрасс слышал скрип досок под его ногами. Он напрягся. Ну, сейчас...

«А что, если верёвка не оборвётся? Или оборвётся слишком рано? — спросил он тогда неожиданного союзника. — Ваш человек сумеет разрезать волокна так, чтобы со стороны ничего не было заметно?» — «Это его работа». — «А если верёвку проверят?» — не унимался пират. «Тогда у нас ничего не получится, — ласково улыбнулся Каракозо. — Но ты не переживай — это, говорят, не больно».

Народ на площади внезапно загомонил, руки указующе вытягивались вверх. Капитан мотнул головой, сбрасывая капюшон. Над крышами домов возносился искрящийся в солнечных лучах фонтан. На его верхушке барахталось нечто чёрное. С неба посыпались осколки черепицы. Пират понял, что времени терять нельзя. Он скинул с шеи петлю, кокетливо приподнял подол своего балахона, сделал шаг по направлению к палачу — тот тоже пялился на невиданное зрелище — и нанёс ему жестокий удар в пах. Затем, что есть силы рванув рычаг, Фракомбрасс прыгнул в открывшееся отверстие. Нащупав крышку люка, он оттащил её в сторону и, перевалившись через край, тяжело рухнул вниз. Приземление было болезненным — жёсткий цементный пол едва не вышиб из капитана дух. Над головой внезапно затеплился огонёк.

— Здрасьсте! — прохрипел Фракомбрасс склонившимся над ним мрачным рожам.

В качестве ответного приветствия на запястьях пирата звякнули наручники. Его бесцеремонно подхватили под мышки и повлекли куда-то во тьму. Шлёпанье шагов гулко отдавалось под мрачными сводами. Пятнышко света металось из стороны в сторону. Гориллы, очевидно, хорошо знали этот путь — они сворачивали, протискивались в какие-то щели, а один раз и вовсе пробирались через полузатопленный тоннель, по плечи в гнусно пахнущей воде. Всё это время крепкие лапы сжимали локти Фракомбрасса: шансов удрать ему не оставляли. Наконец впереди показался свет. Обезьянцы выбрались наверх через такой же канализационный люк в маленьком, заросшем травой дворике. Пират понял, что они находятся в двух шагах от того самого дома, где его держали в плену.

— Поздравляю с успешным бегством! — Благообразный пожилой господин доброжелательно улыбнулся Фракомбрассу. — Отныне можешь отмечать этот день как второй день рождения.

— Хорошая идея, — сварливо откликнулся Ёкарный Глаз. — Особенно если учесть, что я понятия не имею, когда родился. Ваши проклятые костоломы даже не подхватили меня, когда я сверзился в эту дыру. Запросто мог свернуть себе шею!

— Таубе и Брауде туповаты, что поделаешь! Зато у них много других полезных качеств.

— Ну, и что теперь?

— Тебе предстоит погостить у нас снова, — пожал плечами шеф «Веспа Крабро». — Наша скромная резиденция — это последнее место в городе, где тебя будут искать. Кроме того, мне пришла в голову замечательная идея.

— Любопытно будет узнать, какая, — усмехнулся Фракомбрасс.

— О, ты занимаешь в ней центральное место! Дело вот в чём: всё это время я размышлял о том, каким образом контролировать тебя. Видишь ли, я не разделяю общей предубеждённости относительно представителей вашей расы. Наоборот, на мой взгляд, едва ли сыщутся существа более ловкие и изобретательные, нежели чем обезьянцы.

—Ага, мы такие... — польщенно отозвался Фракомбрасс.

— Не торопись... Дело в том, что именно эти твои качества делают наш союз крайне ненадёжным. В джентльменские соглашения я перестал верить ещё ребёнком, и тогда же усвоил

одну простую истину: если хочешь, чтобы кто-то выполнил обещанное, ты должен держать его на коротком поводке. Посуди сам, в джунглях нас будет только четверо: ты, я и мои помощники. Думаю, тебе не составит труда обмануть нашу бдительность и удрать. К городу тебя ничто не привязывает: ни семья, ни друзья; повлиять на тебя с этой стороны мы не можем; а посвящать в наш маленький план кого-то ещё я не собираюсь. Поэтому единственным выходом мне представляется сделать так, чтобы возможности бежать у тебя попросту не было.

— Хочешь везти меня в клетке? — хмыкнул пират.

— Напрашивается само собой, верно? — сладко улыбнулся его собеседник. — Однако же, нет. Абсолютно надёжных клеток не существует; к любому замку рано или поздно находится отмычка, на любую решётку — пила. Я уже упоминал, что придерживаюсь высокого мнения о талантах обезьянцев. Но я нашёл очень изящный выход, хотя и весьма для тебя неприятный: мы ампутируем тебе нижние конечности, точнее, ступни ног.

— Что?!! А не пошел бы ты, дядя!!!

— Не горячись, — покачал головой Каракозо, а горри плотнее сжали лапы на плечах пирата. — Ты ведь понимаешь, что до сих пор жив только благодаря нам. Но мы не альтруисты, Изенгрим. Нам кое-что от тебя надо. Согласись, это лучше, чем стать покойником.

— Нет!!! Никогда!!! — Фракомбрасс дёрнулся, но гориллоиды держали крепко. — Лучше болтаться на виселице, чем такое!

—Я так не думаю, да и ты, на самом деле, тоже. Сейчас ты живёшь в долг, Изенгрим. Ты наш должник; а мы — кредиторы. Что ж ты хотел: чтобы я поверил тебе на слово? Будь я таким наивным, то не дожил бы до седых волос! За исход операции не беспокойся: у нас есть отличные специалисты. Они сделают всё под наркозом, так что ты даже ничего не почувствуешь. Посмотри на это с другой стороны: да, ты станешь инвалидом, но при этом будешь богат и сохранишь возможность радоваться жизни...

— Радоваться жизни? Богатство?!! — Фракомбрасс вскинул налитые кровью глаза и расхохотался в лицо своему мучителю. — Да ты бросишь меня там на верную смерть, изувеченного и беспомощного, едва только завидишь блеск золота! И не только меня... Их... — пират кивнул на гориллоидов, — ты тоже не оставишь в живых!

— Зря стараешься, — сладко улыбнулся Каракозо. — Таубе и Брауде — глухонемые. Я же говорил, у них много полезных качеств. Собственно говоря, это не предложение, Изенгрим. Я просто даю тебе несколько лишних минут, чтобы смириться с неизбежным. Пошли, там уже всё готово. Хирург ждёт.

— Если он коснётся меня хотя бы пальцем, не видать тебе золота!!! — Пират бешено извивался в лапах стражей. — Это уж как пить дать!

— Не согласишься — тебе же хуже, — пожал плечами Каракозо. — Мне просто придётся ещё раз организовать твою казнь, только и всего. Я в любом случае буду в выигрыше, так-то. Привыкай к мысли, что ты можешь потерять гораздо больше.

Он шагнул к парадной и распахнул облупившиеся двери:

— Прошу!

В этот момент на макушки гориллоидам обрушились две здоровенные чугунные гири. Спустившийся с неба, аки ангел, огненно-рыжий орангутанг подхватил Фракомбрасса под мышки, послал ослепительную улыбку остолбеневшему Каракозо и вместе с пиратом вознёсся вверх на гибком гуттаперчевом жгуте тарзанки.

* * *

Беглые каторжники сидели на крыше нагишом и болтали в воздухе ногами. Скудная одежонка сушилась тут же, разложенная на горячем рубероиде.

— А знаешь, я тебе иногда, типа, завидую, — вздохнул один из беглецов; судя по всему, его посетило лирическое настроение.

— Чего мне завидовать? — удивился другой.

— Ну, ты вот, как бы, путешествовал, всякие разные места повидал. Экзотика! А я как родился в Бэби, так и живу в нём безвылазно. Тоска, понимаешь!

— Угу, как же... — поёжился тот. — В двух шагах от меня твоя экзотика плавала... Зубастая такая...

— Ну, правда?! Расскажи!

— Это всё дело прошлое. Лучше давай подумаем, как нам быть дальше.

— А чего тут думать? Одёжка вон высохнет — пойдём, поспрошаем кой-каких знакомых... Наверняка подвернётся дельце.

— Угу, дельце... Опять красть?

— Не красть, а типа — совершенствовать мастерство художественного тыринга! — Первый со значением поднял палец.

— А потом что? Снова на каторгу? Нет уж, спасибо! Мне одного раза вот так хватило. И вообще... Раз уж нам попала в руки волшебная вещь, давай хотя бы попытаемся ею воспользоваться!

— А толку?

— Ну, мало ли... Вдруг нам удастся... Ну, я не знаю... Поднять восстание! — Тут второй беглец замолчал, сам донельзя изумлённый сказанным. Уж что-что, а подстрекательство к бунту было для него внове!

—Прав синенький, неча из-за пустяков шкурой рисковать! — К двум голым личностям присоединилась третья, тоже в чем мать родила, если не считать свёрнутой из газеты шляпы. Изрядно побитый, белёсый как моль тип, щербато улыбаясь, плюхнулся рядом с приятелями.

— Ты, Твадло, просто неистребимый какой-то! — с некоторым даже восхищением покачал головой один из них, любуясь многочисленными синяками и кровоподтёками, украшавшими хилое тельце собеседника.

— А ты как думал! Эх, если буча заварится, тут-то мы и развернёмся! Иначе это не жизнь, а пустяк какой-то получается. Я вам так скажу: ежели с этой волшебной книжкой дело не выгорит, хошь не хошь, а придётся брать ювелирный. Да и бабы, опять же, фартовых любят... Верно, Чобы? — Новоприбывший панибратски пихнул острым локотком соседа.

— Тебя и за мильён никто не полюбит! — искоса глянул на альбиноса названный.

— Хэ! — Тот презрительно задрал нос. — Да у меня знаешь какие были? Тебе такие и не снились!

— Вы мне лучше вот что скажите... — Самый серьёзный из троицы, увидев, что разговор сворачивает куда-то не туда, решил взять на себя инициативу. — Где мы Книгу-то читать будем? Надо, чтобы народу кругом побольше...

— Да где угодно! — легкомысленно отмахнулся Твадло. — Ты, Пыха, по пустякам-то не парься... Это ж Биг Бэби, здесь, куда ни плюнь, люди. Так вот, была у меня одна, значит, актриска...

— Сегодня вечером на площади перед мэрией будут бесплатные танцы, — нарочито громко перебил Чобы. — Народ самый разный собирается. Можно там...

— Великую Книгу — и на танцульках?! — возмутился серьёзный.

— А чего? — пожал плечами Чобы. — В грязном бараке можно, а на площади — нет? Нам главное, чтобы народу побольше, верно?

— Н-ну... Ладно. Когда пойдём?

— А часика через два-три. — Чобы, прищурившись, взглянул на небо. — В газете пишут: начало в сумерках. Пока доберёмся, пока то-сё...

* * *

Адирроза сбросила с себя немногочисленные одёжки и, зажмурившись от наслаждения, вступила в ванну — довольно маленькую для обычного человека, но вполне подходящую для миниатюрной сипапоккулы. После сегодняшнего разговора с шефом (теперь уже навеки —

бывшим) она чувствовала настоятельную потребность вымыться. Как он смел кричать на неё! Как будто она его собственность... «Ну, я ясно дала понять, что распоряжаться моей судьбой никому не позволю. И вообще, пора выбросить этого противного старика из головы». Она сладко потянулась. Пахнущая апельсином и корицей вода чуть слышно плеснула о край. Лепестки всколыхнулись — настоящий ковёр лепестков: белых, розовых, красных...

Зазвонил телефон. «Хорошо, что я догадалась приобрести эту модель с длинным шнуром!» Девушка ленивым жестом протянула руку и сняла трубку.

— Алло, Джи, это ты?

— Нет, это не Джи, — по-змеиному зашипели из трубки. — У меня есть к тебе предложение, Адирроза Сипапоккула. Такое предложение, от которого не стоит отказываться. Тебе грозит большая опасность...

— Что за глупые шутки! — нахмурилась Адирроза.

— Это не шутки, девочка...

— Прекрати мне звонить, Чырвен. Нет — значит, нет. Я на вас больше не работаю, ребята. Поимка Фракомбрасса была моим последним делом; притащив этого типа, я покрыла все свои долги с лихвой. Так и передай шефу. И знаешь что? Забудь, пожалуйста, этот номер!

Она бросила трубку. Телефон тут же зазвонил снова. Грязно выругавшись, Адирроза потянула за провод и выдернула вилку из розетки.

— Вот так!

Однако стоило ей только закрыть глаза и расслабиться, как в прихожей закурлыкал дверной звонок.

Тяжело вздохнув, девушка накинула короткий купальный халатик и прошлёпала к двери.

— Кто там?

За дверью не отвечали. Адирроза провела рукой по волосам; в ладони её очутилась маленькая бамбуковая трубка с отравленной стрелкой внутри. Накинув цепочку, девушка осторожно приоткрыла дверь — и ахнула. На коврике красовалась великолепная хрустальная ваза с букетом цветов. Тигровые лилии, огненные орхидеи, огромные, словно блюдце, благоухающие розы... Она наклонилась, протянула руку... И замерла. К одуряющему аромату цветов примешивалась чуть заметная странная нота. Сипапоккула принюхалась. Нет, показалось... Она вновь протянула руку к вазе, но так и не коснулась её.

— Ты стала параноиком, — пробормотала сипапоккула и, осторожно прикрыв дверь, метнулась в глубь квартиры.

Спустя несколько секунд она вернулась, вооружившись веником.

— Вряд ли там спрятано то, о чём ты подумала, дорогуша; но параноики почему-то дольше живут...

Чуть приоткрыв дверь, Адирроза высунула веник и легонько подтолкнула сюрприз. Ничего не произошло. Она толкнула чуть сильнее, ваза покачнулась.

— Разобьёшь ведь эдакую прелесть, маньячка! — прошептала Адирроза.

Веник теперь почти весь ушел в щель; сипапоккула, держа его кончиками пальцев, подтолкнула ещё раз — и тут ваза наконец упала набок; а спустя мгновение жаркую тишину лестничной клетки расколол оглушительный взрыв.

* * *

На берегу горного озера теплился небольшой костерок. Заметно похолодало; с вершин наползали облака. Они почти скрыли загадочную башню, виднелось лишь её основание. «И чего это меня сюда потянуло? — раздумывал Иннот, помешивая ложкой в котелке. — По идее, мне надо пробираться на север, на выручку Хлю, не обращая внимания на всякие там диковины. Времени остаётся всё меньше, я чувствую это... И вместе с тем что-то настоятельно советует мне проникнуть в сию цитадель». Он задумчиво вздохнул. По всей вероятности, чужакам путь туда заказан; однако упрямство, как известно, горы в порошок стирает... Вряд ли здешние

обитатели рассчитывали на встречу с такими, как он, способными забраться на головокружительную высоту по наружной стене! «Ну что же! Придётся вам познакомиться с пареньком из Аппер Бэби, хотите вы того или нет!» Иннот поднял взгляд и ухмыльнулся. Если переплыть на ту сторону озера, оказываешься как раз напротив узкой, но довольно длинной щели в исполинском базальтовом монолите. По этой самой трещине можно добраться до небольшой наклонной площадки, по которой он дойдёт во-он до того симпатичного уступа; а там уже рукой подать до подножия башни.

Тучи между тем сгущались. «Пожалуй, стоит поторопиться... А славно всё же, что мне любая высота нипочём! Ну, в крайнем случае спланирую вниз и начну восхождение заново — только и всего!» Иннот задумчиво оттянул резинку велосипедных шортов и щёлкнул ею. Всё-таки удобная штука! И сохнут быстро, помимо прочего...

Большую часть вещей пришлось бросить: распахнуть летательную перепонку, когда за спиной болтается рюкзак, не так-то просто. Переложив самое необходимое в многочисленные карманы дорожного пончо, он глубоко вздохнул. Вроде всё... Ах да, неплохо бы прихватить оружие! Купленный некогда у растафари бумеранг устроился в петле под мышкой. Иннот попрыгал на одном месте, проверяя, не звенит ли что. В одном кармане и впрямь брякало. Сунув туда руку, он извлёк резной деревянный шарик — подарок Джихад. «Куда бы его спрятать?»

Иннот повертел вещицу в руках. С обратной стороны у неё была парочка небольших отверстий — очевидно, чтобы носить на шнурке. Иннот подумал немного, потом хмыкнул и запустил пальцы в шевелюру на затылке, выбирая прядь. Спустя минуту талисман был надёжно укрыт в густой гриве зелёных волос.

Подъём оказался даже легче, чем выглядел снизу; правда, узкую наклонную площадку пришлось одолеть, прижимаясь спиной к скале и ежесекундно рискуя соскользнуть вниз. Но не прошло и часа, как он, цепляясь за камни, выбрался на вершину утёса и очутился у подножия башни.

С первого взгляда уходящая вверх колонна казалась абсолютно неприступной. Ни окон, ни дверей; лишь мягкая кривизна исполинских бетонных колец, исчезающих в густом тумане наверху. Намётанный взгляд Иннота, однако, тут же зацепился за шляпки здоровенных болтов, скрепляющих конструкцию; они слегка выступали из гладких стен и представляли собой некоторую опору для рук и ног. Путешественник с сомнением осмотрел свои драные кеды, затем решительно снял их, связал шнурки вместе и повесил на шею.

— Что нам, пацанам... — пробормотал он и тихонько запел:

Пускай нам не видать ни зги
И всё вокруг в грязи,
Но нам на что даны мозги?
Ползи, ползи, ползи.
Не надо ныть, не надо врать,
Дела не на мази
Ты время попусту не трать —
Ползи, ползи, ползи.

Спустя несколько минут земля исчезла из виду. Всё окутал туман; остались только влажный бетон перед глазами и собственное тяжёлое дыхание.

Вообще я что бы вам сказал
Вот в этой вот связи:
Компот попил?

Батон умял?
Ползи, ползи, ползи.
Пусть всё пищит и верещит,
Хоть громом разрази!
И пусть спина твоя трещит —
Ползи, ползи, ползи.

Внезапно Иннот ощутил лёгкое дуновение. Туман задвигался, заскользил, свиваясь в косматые клубы. По мере подъёма ветер постепенно усиливался, теперь он шумел и посвистывал, рассекаемый головками болтов. Тело башни неприятно вибрировало под его напором. «Мне кажется или эта штука действительно качается? — подумал Иннот. — Не хватало ещё, чтобы башня рухнула — как раз тогда, когда я на неё полез!!! Да нет, ерунда, — тут же успокоил он себя. — Судя по всему, она тут не первый год стоит. Скорее, это какая-то хитрость конструкции. Ох, чтоб тебя! И впрямь шатает!» В довершение всего зарядил дождь; мокрые головки болтов стали предательски скользкими.

Путешественник потерял счет времени; к счастью, особые свойства его организма не позволяли усталости взять верх над натруженными мускулами. Вот он в очередной раз подтянулся... И вдруг сообразил, что упирается во что-то головой. Иннот перевёл дыхание и осмотрелся. Он как будто оказался под шляпкой исполинского стального гриба — десятки дырчатых балок поддерживали её снизу, словно споровые пластинки, расходясь по радиусам от центральной части. Изо всех сил цепляясь руками за скользкое железо, болтая в воздухе ногами, он добрался до края площадки, повисел там несколько секунд, собираясь с силами, и, нащупав рукой стойку поручня, заполз наверх. Словно дождавшись этого момента, дождь припустил вовсю. Иннот ухмыльнулся возникшей ассоциации — он как будто попал на исполинскую сковородку. Кругом шипело и клокотало, серебряная пена кипела и рушилась с края в пустоту. В десятке шагов впереди колыхался под порывами ветра водяной занавес. Он задрал голову — там, в нескольких метрах, темнела ещё одна площадка, поменьше; срывающиеся с неё потоки кольцом опоясывали башню. «Буйство стихий! Мне уже доводилось видеть нечто похожее, — подумал Иннот. — Причём не так уж давно; на крышах университета... Когда я принял вызов Подметалы. Надеюсь, местные ребята окажутся малость посимпатичнее проклятого эстета — ухайдакера!»

Сутулясь и щуря глаза, мокрый как мышь путешественник прошлёпал к башне и замолотил кулаками в дверь.

— Эй, хозяева! Откройте, что ли! Вам телеграмма... — он хихикнул и замолчал, прислушиваясь.

Ничего... Иннот внимательно исследовал проход. Похоже, неведомые конструкторы башни предпочитали раздвижные двери — металлические, покрытые синей краской створки определённо не имели петель. Между ними темнела резина уплотнителя. Иннот попробовал слегка отогнуть её в сторону. Получилось! Тогда он втиснул кончики пальцев как можно глубже и, кряхтя от натуги, раздвинул створки на несколько сантиметров. В образовавшуюся щель удалось вставить ступню, а минутой позже мокрый и взъерошенный путник очутился, наконец, внутри.

Выложенный светло-серым пластиком коридор был пуст. Иннот уселся у двери и стал, ругаясь сквозь зубы, распутывать шнурки кед. Вокруг потихоньку собиралась лужа. В таком виде его и застал один из обитателей, молодой паренёк в тёмно-синих, боксёрского образца трусах и белой куртке-кимоно. Он с безмятежным лицом вывернул из-за угла — и застыл, словно поражённый громом. Иннот, успевший надеть один кед, дружелюбно ему улыбнулся и помахал рукой.

— Это самое... Ты кто такой?!! — вне себя от удивления воскликнул паренёк; а затем, будто вспомнив о чём-то, сощурился и звучно втянул ноздрями воздух.

—Куки из племени куки, — представился Иннот, воспользовавшись своим любимым псевдонимом. — Я каюкер, охотник на монстров... А что это за место, уважаемый?

Уважаемый, не отвечая, слегка расставил ноги и затянул, словно кот: «Ё-о-о-о-о-о-о-о-о-о!» — всё громче и громче.

— Э! Э! Ты чего? — опасливо спросил Иннот и на всякий случай поднялся на ноги.

— Грохмант атакует! — завопил паренёк и бросился на незваного гостя.

— Грохмант отдыхает, — покачал головой Иннот и выбросил вперёд ладонь, сопровождая движение коротким электрическим импульсом; не настолько сильным, чтобы отправить на тот свет, но достаточным, чтобы отбить охоту к подобным эскападам, по крайней мере, на ближайшие полчаса.

Паренёк взбрыкнул ногами и успокоился. Каюкер тяжело вздохнул и натянул второй кед. «Нечего сказать, хорошенькое начало!» — мрачно подумал он и осмотрелся. Спрятать сей организм, похоже, негде — значит, надо как можно скорее сматываться отсюда самому. Мокрые подошвы противно скрипели по пластику. У первых же дверей Иннот в сомнении остановился: они опять-таки были раздвижными; однако ни кнопок, ни тумблеров нигде не наблюдалось. Всё прояснилось, стоило ему только встать на маленький резиновый коврик: с чуть слышным гудением створки разъехались в стороны, и он оказался на круто уходящей вниз спиральной лестнице. Оттуда сквозь дырчатые ступени наплывал густой, такой знакомый и такой невероятный в этом месте запах варёной капусты. «Да это же кухня! Казённый харч, как пить дать! Знаю я этот запах...»

— Есть такая штука — лифт называется, — ворчал Иннот, спускаясь. — Эх, мудрецы! Эдакую домину отгрохали, а на подъёмник вас не хватило...

«Стоп, — внезапно сказал он себе. — Я что, собственно, хочу — пожрать или поговорить с самым главным? На кой мне кухня?» Иннот резко остановился и повернул в обратном направлении.

— Начальство — оно где повыше любит! — бормотал он себе под нос. — Ставлю своё банджо против резиновых подштанников Подметалы, что это так!

Преодолев с десяток пролётов, каюкер смело шагнул в дверь — и нос к носу столкнулся с тремя аборигенами. Эти выглядели постарше «атакующего грохманта» и одеты были по-другому: в иссиня-серые кимоно и широкие чёрные штаны до лодыжек.

— Что за дела?! — озадаченно сказал один; по акценту Иннот определил, что он откуда-то с юга. — Прозелит, почему не в форме?! Что, совсем страх потерял? А ну, стоять!

— Старший послал, — буркнул Иннот, делая попытку улизнуть.

— Какой еще старший?! Ты кто такой вообще?! Стоять, я тебе сказал!!!

Иннот вздохнул. История, похоже, повторялась.

— Ты где эти тряпки взял?! — очень тихо спросил вдруг его товарищ. — При вступлении в монастырь старые одежды сжигают!

«Ну вот, сообразили, что я чужой...» — успел подумать каюкер. Один из серо-синих как-то по-особому шевельнул шеей, а спустя мгновение все трое набросились на Иннота. Один атаковал в лоб, двое других подпрыгнули, оттолкнулись ногами от стены и налетели с боков. Замелькали кулаки. Иннот присел, уклоняясь от удара, и тут же очень чувствительно получил под рёбра и по лодыжке. Причин миндальничать становилось всё меньше, и в дело вновь пошло электричество. Каюкер успокоил двоих нападавших; третий, почуяв неладное, отскочил было, но запнулся за ногу своего товарища — и Иннот достал его коротким резким ударом: пяткой в солнечное сплетение. Убегать, однако, было поздно: привлечённые шумом, в коридоре стали появляться люди.

«Похоже, эти, в синеньких кимоно, дерутся куда лучше тех, беленьких», — решил каюкер и осторожно попятился.

— Да это же куки какой-то! — подал вдруг голос кто-то из толпы. — Слышь, пацаны? Навалимся всей кучей!

— Ага... не видишь, что ли, он один троих уделал, — отвечали ему. — А Цмуха так вообще без пяти минут адепт был, понял? Корифея надо звать...

— Корифея! Корифея зовите! Точно! — зашелестели голоса. В задних рядах послышался топот — сразу несколько человек бросились на поиски неведомого корифея.

— Эй, парни! А вы кто такие, в общем и целом? — миролюбиво спросил Иннот.

В воздухе повисло недоброе молчание.

— Неофиты, — наконец соизволил ответить кто-то. — А ты?

— А я каюкер. Увидел этакое чудо и решил посмотреть... Зачем сразу драться-то? И что это за башня?

— Это МБМ, — ответили ему. — Монастырь Безумных Метеорологов.

— Безумных? — задрал брови Иннот. — А почему... В этот момент толпа зашевелилась, расступаясь.

Навстречу Инноту вышел высокий черноволосый человек и остановился в нескольких шагах, с лёгкой улыбкой разглядывая его, чуть склонив голову набок.

— Привет! Я каюкер, охотник на... — начал было Иннот.

Всё так же улыбаясь, человек осторожно сунул руку за пазуху и извлёк тёмные очки. Толпа за его спиной притихла.

— Стильные очочки, — хмыкнул каюкер, одновременно пытаясь понять, что же происходит.

Черноволосый чуть встряхнул кистью, расправляя дужки; поднял стёкла на уровень глаз — и разжал пальцы.

Дальнейшее больше походило на сон: корифей (ибо это был корифей) словно нырнул головой вперёд, с такой невероятной скоростью, что очки сами наделись ему на нос; а спустя мгновение он уже оказался рядом с Иннотом. Того спасли лишь рефлексы, наработанные за долгие годы охоты на монстров: тёмные подворотни Биг Бэби, как известно, не прощают ошибок и не дают второго шанса. Он ещё не успел осознать, что же произошло, а тело уже качнулось в сторону, уходя с линии атаки; и всё же каюкер еле успел уклониться от первого удара и с огромным трудом блокировал второй. В тот же миг противник сделал ему подсечку. Иннот упал, успев на лету сгруппироваться, дважды перекатился через голову, поджал колени к подбородку и хотел было вскочить, но враг опять оказался в полушаге, и тогда Иннот нанёс сильный толчок двумя ногами по корпусу, сделав стойку на лопатках — этому приёму некогда научил его один старый мастер капоэйры. Противник легко уклонился, по-змеиному изогнувшись, и каюкеру срочно пришлось сделать ещё один кульбит, чтобы уйти от стремительного топчущего удара: иначе враг сломал бы ему рёбра. Пол загудел. Иннот вскочил и попытался лягнуть противника в печень. Тот даже не стал блокировать выпад — он попросту крутанулся и взмыл в воздух, к самому потолку. Нога Иннота мазнула пустоту; а черноволосый с разворота заехал подъёмом стопы ему по шее. Удар был страшным: каюкера отбросило на несколько шагов и хлобыстнуло о стенку. Он рухнул на пол, на миг потеряв сознание; но тут же заставил себя вскочить и принять боевую стойку. В глазах всё плыло, стены колыхались, пол норовил встать дыбом. Каюкер тряхнул головой, приходя в себя. Черноволосый снова был совсем рядом, отбирая то самое мгновение, которое требовалось для концентрации энергетического импульса. Иннот отразил предплечьем хлёсткий удар — по руке словно палкой заехали; он оказался вплотную к своему противнику и вслепую ткнул его локтем под рёбра. Ответный удар заставил затрещать его собственные; если бы не спрятанный под одеждой бумеранг, черноволосый наверняка сломал бы парочку. Тут каюкер смог наконец собраться для своего корон-

ного приёма. По ладоням забегали мурашки, а затем он совершил то, от чего предостерегают новичков все до единого мастера боевых искусств — на миг опустил взгляд, сосредоточившись на ногах противника. Это был очень рискованный шаг, но Иннот понимал, что иначе ему не победить. Мастерство корифея намного превосходило его собственные скромные способности. Враг не замедлил воспользоваться «оплошностью»: необычным образом сложенный кулак с быстротой атакующей кобры метнулся каюкеру в лоб, но на полпути встретился с его раскрытой ладонью. Сверкнула синеватая вспышка, в воздухе запахло озоном. На этот раз Иннот бил на поражение. Серия импульсов такой силы сразила бы любого человека; но корифей даже не лишился сознания! Волосы его встали дыбом, очки слетели с перекошенной физиономии; но тем не менее он успел разорвать физический контакт и отскочил далеко назад. По толпе пронёсся вздох изумления.

— Может, поговорим? — предложил каюкер, всеми силами стараясь не кривиться: пропущенные удары пульсировали болью.

Корифей, не отвечая, несколько раз глубоко вздохнул и слегка повёл плечами. Иннот сделал полшага назад, наступив на чёрный коврик перед очередной дверью. Створки за его спиной разъехались, и каюкер, не теряя ни секунды, юркнул внутрь.

Комната, в которой он очутился, оказалась просторной, словно какой-нибудь гимнастический зал. Интерьер был выполнен всё в той же серо-сине-белой гамме. Одна из стен, целиком прозрачная, представляла собой огромное окно. За стеклом мерцал дождь. Почти половину всего пространства занимал исполинских размеров круглый стол. Около него стояли, внимательно что-то рассматривая, несколько человек; Иннот мельком успел заметить, что поверхность стола являет собой нечто вроде миниатюрной рельефной карты. Там возвышались искусно выполненные горы, зеленели мшистые леса и вроде бы даже текли тоненькими струйками реки.

Присутствующие с удивлением воззрились на незваного гостя.

— Всем здрасьте! — быстро заговорил каюкер. — Я здесь случайно, просто хотел перекинуться парой словечек с кем-нибудь компетентным. Видите ли, дело в том...

— Ты не из нашего муравейника! — внезапно перебил грозный голос.

Говоривший выступил вперёд. Это был очень высокий, на голову выше остальных, и совершенно седой старик. Окладистая борода доставала ему до пояса; невероятно густые брови орлиными крыльями уходили к вискам. Высокое благородное чело охватывала чёрная бархатная лента; длинные одежды цвета грозовых туч чуть слышно шуршали.

Старец величественно нахмурился и извлёк из складок своего одеяния очки — но не чёрные, как у корифея, а зеркальные. По залу будто прокатилась волна: остальные сделали то же самое.

— Твою мать! — сплюнул Иннот и выдернул из-за пазухи бумеранг. — Не подходи, убью!

Старец поднял руку с очками на уровень глаз. Каюкер понял, что времени терять нельзя: массивная полированная загогулина молнией вырвалась из его ладони и устремилась к голове противника.

После всего случившегося Иннот вполне допускал, что старец сможет уклониться или отбить оружие на лету. Тот, однако, не сделал ни того, ни другого — он попросту раскрыл рот и, громко лязгнув зубами, перехватил бумеранг в воздухе, словно собака — тарелочку фрисби!

Это был высший класс. Каюкер попросту офигел — именно так он впоследствии характеризовал своё состояние, рассказывая о поединке друзьям. Безукоризненные, длинные, как у лошади, сахарно-белые зубы ещё мгновение сжимали чёрную древесину, а потом иерофант нарочито медленно повернул голову и выплюнул бумеранг на пол. Иннот рванулся к окну. Он понял, что разговаривать с ним здесь никто не собирается; и ещё — его сейчас будут очень больно бить. План был прост: вышибить стекло, раскрыть летательную перепонку и оказаться как можно дальше от этих негостеприимных мест. Однако его ждал небольшой сюрприз: здо-

ровенное стекло, в которое он со всего маху впечатался, даже и не подумало разбиваться! Звонко загудев, прозрачная поверхность спружинила — и ошеломлённый каюкер оказался отброшен навстречу своему противнику. Перед глазами его неуловимо быстро мелькнул костлявый кулак, сложенный каким-то странным образом, а потом вселенная Иннота исчезла в ослепительной бесшумной вспышке.

Глава 2

Знаменитый обезьянский пират Изенгрим Фракомбрасс, по кличке Ёкарный Глаз, в общем-то, не привык ждать от жизни хорошего. Справедливости ради надо сказать — у него были на то причины, особенно в последнее время; и вдруг взбалмошная фортуна решила ему улыбнуться! Нападение на горри было совершено с потрясающей воображение ловкостью: сам большой мастер засад и ударов из-за угла, Фракомбрасс в полной мере оценил оригинальность и изобретательность неведомых спасителей. Повиснув на уровне последнего этажа, он с интересом рассматривал две неподвижные фигурки на земле. Вивисектор наконец-то вышел из ступора и метнулся в подъезд; впрочем, Ёкарный Глаз был уверен, что он не успеет. Чьи-то крепкие руки быстро вытягивали резиновый канат; не прошло и минуты, как пират очутился на крыше. Ещё один обезьянец, тоже орангутанг, дружески ему ухмыльнувшись, извлёк из-за спины что-то вроде больших садовых ножниц с очень короткими лезвиями и одним движением перекусил цепочку наручников.

— Браслеты снимем позже, — подмигнул он. — А теперь дёру, быстро! Уходим по крышам!

— Да кто вы такие?!

— Нашёл время выяснять! Обстоятельный ты перец, однако! — оранг нетерпеливо подтолкнул его. — Скорее!

«Кем бы эти ребята ни были, сомневаюсь, что они альтруисты, — подумал пират. — Впрочем... Они, по крайней мере, не собираются оттяпать мне ноги, в отличие от прежних «спасителей».

Бегство по крышам запомнилось Фракомбрассу как нечто сумбурное: горячая громыхающая жесть под ногами, пляшущие подвесные мостики, которые оранг обрезал за собой при помощи всё тех же чудовищных ножниц, прыжки с крыши на крышу, чердаки, пахнущие пылью и голубиным помётом... Наконец его спутники остановились, чтобы перевести дух. «Интересно, смогу я их одолеть, в случае чего?» — прикинул пират. Оба обезьянца выглядели ловкими и мускулистыми; да и запыхались они куда меньше Фракомбрасса.

— Ну, и что теперь? — спросил он. — Может, всё же объясните, парни, кто вы такие и чего вам от меня нужно?

— Мы — братья Панголини, цирковые акробаты, — улыбнулся один из орангутангов. — Можешь считать нас своими ангелами-хранителями. Гордись, улыба, — у тебя их целых двое!

— Тебе надо спрятаться, — прищёлкнул языком другой. — Нам неплохо заплатили за то, чтобы мы вытащили тебя из этого гуано; и сейчас самое время познакомиться с твоим благодетелем.

— Может, в другой раз? — ухмыльнулся Ёкарный Глаз, украдкой разминая мускулы. — А то я малость спешу, сами понимаете...

— Можно подумать, Бри, я его заставляю! — хмыкнул один из циркачей.

— Ты прикинь сначала, сколько разного народу тебя сейчас ищет... — покачал головой другой. — Ладно, парень, времени-то в обрез! Решай скорее: пойдёшь с нами или нет?

Фракомбрасс прищурился.

— Этот таинственный благодетель поможет мне сховаться понадёжнее?

— Будь спок!

— Ладно, уговорили...

— Вот и славно.

Один из орангов приложил ухо к чердачному люку и некоторое время прислушивался.

— Всё тихо, — объявил он наконец.

Обезьянцы выбрались на пыльную тёмную лестницу. Где-то внизу наигрывало радио; сильно пахло щами. Оранг выразительно прижал к губам палец и осторожно стал спускаться вниз, держась вплотную к стене. Двумя этажами ниже он остановился и тихонько постучал в дверь. Та бесшумно приоткрылась.

— Ну что? Получилось? — громко прошептал кто-то.

Обезьянец молча показал колечко из пальцев.

— Заходите же, заходите скорее!

Спотыкаясь о какие-то тапки и калоши, беглецы протиснулись мимо вешалки и по узкому коридору вошли на крохотную кухню. Там за столом сидел молодой шимп с духовой трубкой в руках. Он тут же вскочил, с обожанием глядя на Ёкарного Глаза, и восторженно показал большой палец. Пират ответил ему кривой ухмылкой.

— Ну, командуй, улыба! Куда его?

— Это... В санузел давайте! — Молодой шимп аж приплясывал от энтузиазма. — Мистер Фракомбрасс, это такая честь для меня! Я столько о вас слышал...

— Давай-давай! — нетерпеливо перебил орангутанг.

Санузел состоял, казалось, из одной только огромной ванны, покрытой ржавыми потёками; унитаз кое-как втиснулся между нею и стенкой. Места оставалось ровно столько, чтобы развернуться. Шимп раздвинул свисающие с верёвок полотенца, наклонился и гулко постучал по растрескавшейся эмали. Участок стены, облицованный бледно-голубой плиткой, вдруг бесшумно отъехал в сторону.

— Клёво, а! — Шимп улыбнулся, показав великолепные зубы, и приглашающе махнул рукой. — Вам сюда, мистер Фракомбрасс!

— Я же здесь не пролезу, — с сомнением проворчал пират.

— Горри, и те пролезают! — обнадёжил его один из братьев-акробатов.

Согнувшись в три погибели, Ёкарный Глаз кое-как протиснулся сквозь узкий лаз и очутился в просторном помещении без окон. Кирпичные стены были до половины выкрашены бледно-зелёной краской; грубый дощатый пол устилали гимнастические маты. В углу комнаты располагался большой письменный стол, причём совершенно непонятно было, как он здесь оказался: через лаз над ванной он бы не прошёл, а других выходов тут не наблюдалось. За столом сидел здоровенный гориллоид и быстро что-то писал при свете низкой настольной лампы, смешно выпятив губы. Маленькие очочки, криво сидящие на носу, придавали ему несколько карикатурный облик. При виде вошедшего он улыбнулся и встал. Ёкарный Глаз секунду вглядывался в его лицо, а потом с проклятием шарахнулся обратно — неведомый спаситель был не кем иным, как приятелем пленившей его девчонки!

— Ну-ну, — пробасил Громила, успокаивающе поднимая ладонь. — Только не надо истерик, Изенгрим. Всё совсем не так плохо, как ты думаешь.

— Да неужели? — Флибустьер глубоко вздохнул и плюхнулся на маты. — Ладно, я тебя слушаю... Оркестрант! Надеюсь только, ноги ты мне отхреначить не собираешься?

— Ноги?! Нет-нет, думаю, до этого не дойдёт! — ухмыльнулся Громила. — Скажем так: у меня есть к тебе интересное предложение. Думаю, тебе за последнее время уже не раз доводилось слышать эту фразу?

— А то! — хмыкнул Фракомбрасс.

— Ну так вот: меня совершенно не интересует твоё золото и всякие там пиратские клады; веришь, нет?

— Так что же тебе надо?

— Об этом несколько позже... Скажи-ка, кто, по твоему мнению, я такой?

Изенгрим Фракомбрасс с интересом взглянул на гориллоида.

— Ну что ж... Ты приятель той стреляющей девки, верно? Но ты с ней не работаешь. Из ваших разговоров я понял, что ты вольный каюкер, по крайней мере, стараешься за тако-

вого сойти. Только зачем простому каюкеру спасать такого славного парня, как я? Ты говоришь, золото тебя не интересует. Значит, выкуп отпадает. Остаётся одно: «Веспа Крабро» — не единственная тайная организация; есть, по крайней мере, ещё одна. И, как водится, они соперничают; эти штуки я хорошо просекаю! А ты, стало быть...

— Ну-ну?! — подбодрил Громила, во весь рот ухмыляясь.

— Ты, стало быть, работаешь на них!

— Каков умник, а! — Громила расхохотался. — Ох! Я не ошибся в тебе, Изенгрим! Башка у тебя варит хорошо, и кое в чём ты действительно прав... Но только кое в чём.

— Где же я ошибаюсь?

— Нет никакой «другой» организации. Вернее, есть, но к нам это всё не имеет ни малейшего отношения. Скажи-ка, ты в курсе, что происходит сейчас в Бэби?

— Откуда? — развёл руками пират. — Мы с моими парнями либо сидим в Либерлэнде, либо носимся по воздусям в поисках добычи; где уж тут следить за вавилонскими делами! Иногда, правда, попадаются газетки — нет-нет, да и прочтёшь что-нибудь, пока косячок забиваешь...

— Ну так слушай, — Громила подался вперёд, — нас, обезьянцев, во все времена недолюбливали. Ты, конечно, и сам прекрасно об этом знаешь. Но в последнее время дела идут всё хуже и хуже. Не так давно одного моего приятеля пырнули в живот разбитой бутылкой — просто за то, что он горри. И это не единичный случай. Расистские организации растут как на дрожжах, особенно теперь, когда наводнение согнало в Бэби хренову тучу всякого народу. И если мы сами не позаботимся о себе, то никто за нас этого делать не станет.

— Стало быть, ООС? Организация обезьянского сопротивления?

Громила помолчал.

— А говоришь, не в курсе... Да, именно О-О-Эс. Только это совсем не то, о чём пишут газеты. Это не организация в привычном смысле слова, Изенгрим. Существует масса всевозможных обезьянских объединений — и легальных, и не очень. Есть даже откровенно криминальные: «Чёрный беспредел», например, или «Бананос»... Но суть в том, что всё это небольшие, в общем-то, группы. Они могут устроить бучу в общественном месте или расколотить дюжину-другую голов, но на большее не способны. А вот наш неприятель, наоборот, обнаруживает тенденцию к консолидации. Думаю, пройдёт ещё пара-тройка месяцев — и мы столкнёмся с большой проблемой. Если наводнения не прекратятся, демографическое давление будет всё нарастать и нарастать, страсти накалятся — а уж антиприматы позаботятся о том, чтобы всё это гуано вылилось на голову обезьянцев. Меня, знаешь ли, вовсе не прельщает стать жертвой массовых беспорядков или погромов.

— Тогда тебе следовало принять моё предложение и остаться, — ухмыльнулся Ёкарный Глаз. — Горя бы не знал!

— Ага... Где те парни, что были с тобой на «Тяжёлой Думе»? — тихонько спросил Громила.

Фракомбрасс разом помрачнел.

— Слушай, у тебя тут найдётся выпить? Сил уже никаких нет...

— Погоди, квасить будем позже... Если хочешь, могу пока дать бананов.

— Давай!

— Так вот, — продолжил свой рассказ гориллоид под жадное чавканье пирата. — Как я уже сказал, у нас нет единой организации; зато существуют десятки мелких групп. ООС — это на самом деле своего рода координирующий центр. В общем, можно назвать нас нелегальной информационной структурой; мы собираем различные сведения, систематизируем их — и используем на общее благо. А как ты знаешь, тот, кто владеет информацией, владеет и ситуацией; так что в некотором смысле мы будем покруче этой самой «Веспа Крабро»!

— Это всё очень интересно, — пробурчал с набитым ртом Фракомбрасс, — но при чём здесь моя скромная персона? Не понимаю...

— А я как раз к этому подхожу...

— Кстати, что-то у тебя не сходится. — Пират погрозил Громиле пальцем. — Ты говоришь, мол, чисто информационная эта самая... А как же два брата-акробата, да и вообще всё это? — Он обвёл комнату широким жестом.

— Это всего лишь штаб-квартира экстремистов из «Мохнатого Фронта». Слыхал про таких?

— Не-а...

— Ну, неважно. Мальчишки, идеалисты... Я попросил их на несколько дней приютить тебя. А что касается братьев Панголини — они просто мои старые друзья. Как видишь, цирковая подготовка иногда позволяет творить настоящие чудеса... Ну, плюс некоторая толика денег и немного моего обаяния, конечно... Теперь что касается тебя.

— Да, так что там насчёт меня? Я вообще кто — гость, пленник?

— Ни в коем случае не пленник. Ты сейчас здесь лишь потому, что я забочусь о твоей шкуре, парень, и как только вся эта буча уляжется, предоставлю тебе полную свободу.

— Полную? Это что же, значит — иди, куда пожелаешь? — Изенгрим Фракомбрасс недоверчиво ухмыльнулся.

— В точности так.

— Гм... — Пират вдруг замолчал и глубоко задумался.

— Интересная ситуация, верно? До вашей секретной, вернее, бывшей секретной базы — почти месяц пути, — вкрадчиво напомнил Громила. — А кроме того, неужели ты думаешь, что твои старые знакомцы простят тебе гибель корабля? Пожалуй, ты сейчас не самая популярная личность для них, капитан. Ты, конечно, можешь собрать шайку негодяев и здесь; вот только что это даст? Дирижабля у тебя больше нет...

— Ну, корабль — дело наживное... — задумчиво промолвил пират.

— Кстати, не забывай, за твою голову назначена нехилая награда. Где гарантия, что кто-нибудь из твоих новых «друзей» не захочет неожиданно разбогатеть?

Ёкарный Глаз отложил недоеденный банан.

— Готов услышать ваши предложения, — сухо промолвил он.

Громила рассмеялся.

— Пожалуй, нам действительно стоит выпить, раз такое дело... У меня есть бутылка «Корвуса», шикарного коллекционного коньяку. Не «Чёрная борода», конечно, но тоже весьма и весьма...

— Знаю, пивал, — солидно отозвался пират. — Вот как сейчас помню, распотрошили мы один дирижаблик...

Гориллоид ловко разлил жидкость в пластмассовые стаканчики. По комнате поплыли чудные ароматы.

— За что пьём-то? — спросил Фракомбрасс. — К такому коньячку тост нужен, улыба!

— За нас с вами и за хрен с ними? — предложил Громила.

— Пожалуй, сойдёт.

— Обезьянцам нужно объединяться, — продолжил Громила свою мысль, наставив на пирата толстый палец. — Время землячеств и молодёжного экстремизма прошло. Нам надо выходить на новый уровень; легализовываться, заниматься политикой...

—Ты предлагаешь легализоваться *мне?*

—Нет, конечно... Понимаешь, нам нужен символ. То, вокруг чего можно сплотить волосатую братию. Знамя, штандарт, так сказать. И, на мой взгляд, ты как нельзя лучше подходишь для этой цели. Одно дело, если к объединению призывает какой-то манки, которого никто не знает; и совсем другое — когда те же слова звучат из уст живой легенды!

Изенгрим Фракомбрасс пьяно ухмыльнулся: его развезло почти мгновенно.

— Да, я такой...

— Такой, такой... Ты мог бы переезжать с явки на явку; ты разговаривал бы с нашими соплеменниками, убеждал бы их.

— Я?

— Именно ты... Неуловимый, непобедимый, неистовый Ёкарный Глаз!

Пират рыгнул.

— Я одного не пойму: на кой хрен мне всё это надо?

— Чем-то ты ведь должен заниматься, верно? До сих пор ты только и делал, что грабил и дрался. Но, согласись, эти занятия не приносят, в конечном итоге, большого удовлетворения...

— А мне нравится! — упрямо возразил Фракомбрасс. — Мы с моими парнями...

— Знаешь, чего у тебя никогда не было? — тихонько спросил Громила.

— Н-ну?

—Уважения, Изенгрим. Авторитет — это да, только он был на самом деле не у тебя, а у твоих зубов и кулаков. Но скажи мне — хоть кто-нибудь из твоих головорезов смотрел на тебя так, как этот мальчишка-мохнафронтовец? А таких, как он, тысячи — готовых пройти огонь и воду ради одного твоего одобрительного взгляда! Ты накопил огромные богатства; но главное твое достояние — это твоя слава, слава грозного и весёлого корсара! Так какого ты сидишь тут и пускаешь носом пузыри!!! — Голос обезьянца гремел. — Воспользуйся тем, что у тебя есть; воспользуйся сейчас, ведь потом уже будет поздно! Знаешь, сколько на самом деле было таких, как ты? И где они сейчас? Кто о них помнит?! Забвение, пират! Полное забвение! А этот твой Либерлэнд... Думаешь, он что-то значит? Свободная страна, тоже мне! Нет, ты построй Либерлэнд *здесь,* Фраком-брасс! Здесь, в Биг Бэби!

— И построю!!! — Пират попытался встать, но ноги держали плохо. — Построю, чтоб вас всех перекособочило, болтуны и бумагомараки! Если сынок мамаши Фракомбрасс берётся за что-то, он это делает, и никакие эти самые... Ну... Короче, наливай ещё.

— Для начала раздуем-ка пожар твоей популярности пожарче, — продолжал Громила, подсаживаясь к пирату. — Когда мы были у вас в плену, я позаимствовал твой дневник. Эта вещица станет супербестселлером, Изя! Уже есть договорённость с издательством, дело за малым — надо подтвердить её подлинность. Сделаем так: я организую тебе пресс-конференцию с ведущими журналистами вавилонской прессы. Ты расскажешь о своих приключениях, о том, что собираешься натурализоваться в Бэби, ну и упомянешь про дневник. Здорово придумано, а?

— Конференция?

— За безопасность не беспокойся; мы всё устроим в лучшем виде.

— Это... Дневник... Там, знаешь, это самое...

— Брось, старина! — Громила проникновенно взглянул в мутные буркалы пирата. — Мы же с тобой всё-таки обезьянцы! Нам ли прикрываться убогой пуританской моралью? Или ты не мужик?!

— Я не мужик?!! Да я...

—Ну, о чём и речь! ЭТИМ надо гордиться, вот что я тебе скажу! Пусть весь Бэбилон узнает, каков ты в деле! И потом, представь, сколько у тебя сразу появится поклонниц, хорошеньких молоденьких манки! Да тебя на руках носить будут, капитан!

Изенгрим Фракомбрасс вдруг икнул и повалился спиной на маты, блаженно улыбаясь. Пустой стаканчик выпал из ослабевшей руки. Громила, прищурившись, смотрел на него.

— С коньяком, похоже, мы малость переборщили. Ты ж небось не жрал уже пару дней, — пробормотал он и стал протискиваться в узкий лаз.

Молодой шимп при виде Громилы весь подобрался.

— Ну что?!

— Спит он, перебрал малёха. А братья Панголини ещё здесь?

— Бри ушёл, а Йобо тебя дожидается. Говорит, ты ему должен денег.

— Не без того... Слушай, друг, ты знаешь, где находится редакция «Вечернего Бэбилона»?

— Знаю, это в Бакс Бэби.

— Не отнесёшь туда записку? Понимаешь, очень надо... Я бы и сам пошёл, да дел невпроворот...

— Почему нет; я через час сменюсь, и пожалуйста!

— Отлично. Найди там некоего Торшембо (он репортёр) и отдай ему лично в руки. Это приглашение на ужин. Скажешь, от Гро — он меня хорошо знает. И шепни потихоньку, что у меня есть для него новости, да ещё какие — закачаешься!

— Сделаем! — Шимп расцвёл ослепительной улыбкой.

— Эх, ну и каша заваривается! — Громила хлопнул его по спине. — Великий Джа, как всё-таки интересно жить!

* * *

Сипапоккула несколько раз глубоко вздохнула и потрясла головой. Ну и дела... С подбородка сорвалась капля крови и маленькой красной кляксой расплылась на пороге. Кровь шла из носа. Контузило малость, подумала Адирроза, ничего страшного... «Значит, запах эфира мне не почудился. Ну что же, спасибо за букет... Шеф».

Она осторожно приоткрыла дверь. На лестнице стояла тишина: большинство жильцов сейчас были на работе, а оставшиеся не смели высунуть нос, памятуя о печальной участи владельца дома. Не так давно в результате странного и страшного происшествия в одной из квартир он оказался изуродован, и теперь всеми делами заправляла его жена.

Мелкие осколки хрусталя поблескивали всюду: на потолке, на стенах, вбитые в древесину взрывной волной. От букета, конечно, ничего не осталось — его размолотило в кашу; разноцветные лепестки устилали лестницу. Внезапно Адиррозу затрясло. «А ну-ка, возьми себя в руки! — мысленно прикрикнула сипапоккула. — Вспомни, чему тебя учили». Она опустилась на четвереньки и внимательно обследовала половицы. Да, так и есть; всё вокруг усеивали маленькие, с булавочную головку, чёрные точки. «Панцирный гриб, значит... Чего и следовало ожидать. Я, дура, так и не поняла, насколько всё серьёзно. Что может быть проще: усыпить панцирник эфиром и втиснуть его в букет, чтобы шипы роз упирались в края шляпки, где заканчивается панцирь — самое чувствительное место. Если бы не моя внезапная подозрительность, у них вполне могло бы получиться». Девушка нахмурилась. Этот странный телефонный звонок... Он раздался буквально за минуту до того, как позвонили в дверь. «Неужели всё-таки Чырвен? Узнал о готовящейся ликвидации и предупредил, изменив голос, как он умеет?» Она попыталась вспомнить сказанное. Что-то насчет грозящей опасности... Да нет, вряд ли. «Если бы акцию поручили ему лично, он не стал бы звонить... Не настолько он мной очарован... Или всё-таки?.. Ближайшая телефонная будка в двух кварталах отсюда. Чисто физически невозможно. К тому же, он профи».

Размочаленный до неузнаваемости веник валялся у порога. Адирроза осторожно подняла его. «Мой спаситель». Внезапно девушку стал разбирать смех. Тихонько хихикая, она аккуратно прикрыла дверь, защёлкнула замок и задвижку — и во весь голос расхохоталась. Постепенно смех перешёл в судорожные рыдания. Немного погодя она затихла, чуть слышно всхлипывая и сжавшись в комок в углу прихожей.

—Ну, хватит, — спокойным деловым тоном произнесла Адирроза минут через пять и решительно встала. — Будем считать, что истерика состоялась. А теперь, дорогуша, пора предпринять кой-какие ответные шаги.

Она решительно прошла в спальню, запустила руку под кровать и извлекла длинную духовую трубку — единственную, не взятую на достопамятную охоту. Из маленькой дамской

сумочки появились на свет: перочинный ножик, связка бамбуковых щепочек, комок воска, пучок ярко окрашенных страусиных перьев, моток толстых ниток и небольшой флакон с тёмной вязкой жидкостью. Девушка принялась остругивать короткие палочки, время от времени придирчиво проверяя пальцем остроту кончика. «Ладно же! Хотите сыграть по новым правилам, шеф, вернее, без всяких правил — пожалуйста. Теперь мой ход». Когда со стрелками было покончено, Адирроза открыла платяной шкаф и пробежалась взглядом по его содержимому. В конце концов она выбрала короткую и широкую кожаную юбку и свой старый вязаный жилет. Примерила полупрозрачную шляпку, со вздохом сожаления отложила её и повязала волосы широкой лентой цвета хаки.

— Ну, что же... Теперь попляшем! — свирепо ухмыльнулась сипапоккула и подмигнула своему отражению.

Не доходя нескольких кварталов до штаб-квартиры «Веспа Крабро», девушка нырнула во двор, с ловкостью кошки вскарабкалась на крышу и продолжила путь по горячим жестяным мостовым Аппер Бэби. Наконец впереди замаячило знакомое здание. «Метров сорок, — определила Адирроза. — Почти идеальная позиция... Извините, шеф — цветов не будет. Я не такая сентиментальная». Она скользнула в чердачное оконце. Из небольшого рюкзачка был извлечён кусок ткани. Расстелив его, Адирроза улеглась и пристроила трубку на подоконнике. Убедившись, что отсюда хорошо просматривается ведущая во внутренний дворик арка, она достала бутылку минеральной воды и свёрток с бутербродами. Ожидание обещало быть долгим, но это её не беспокоило. Минуты тянулись за минутами; поскрипывали, рассыхаясь потихоньку, доски; где-то неподалёку ворковали голуби. Самые обычные шумы, которые слышатся в каждом доме...

Нападавший, безусловно, был профессионалом очень высокого класса. До последней секунды он ни звуком не выдал себя; и лишь когда на спину ей навалилась вдруг страшная тяжесть, а к лицу прижалась пропитанная хлороформом тряпка, Адирроза осознала, что всё это время была на чердаке не одна.

* * *

Иннот парил во тьме. Кругом стояла абсолютная, невозможная тишина: даже шума крови в ушах не было слышно. Внезапно впереди забрезжил огонёк. Рыжеватый язычок пламени, трепещущий на кончике спички, выхватил из мрака встревоженную физиономию Кумарозо.

«Старик, ты как?»

«Что вообще случилось?»

Ещё один огонёк вспыхнул неподалёку, затем ещё и ещё.

«В чём дело, старина?»

«Что с тобой?»

«Почему темно?»

«Ребята, меня, похоже, вырубили», — хотел сказать Иннот, но не смог произнести ни звука. Говорить было попросту нечем: рта не было; как, впрочем, и всего остального. Только непостижимое «я» каюкера каким-то образом существовало во мраке вечной ночи.

Остальные персонажики тем не менее каким-то образом услышали его.

«Что, нокаут? Вот это да! На моей памяти такого ещё не было!»

«А ты вообще-то уверен, что жив?»

«Не говори ерунды! — тут же недовольно загомонил хор неслышных голосов. — Если бы наше тело погибло, эти вопросы задавать было бы некому!»

«А как же душа?»

«Какая ещё душа, идеалист несчастный!»

«А сам-то ты кто?»

«Я материалист».

«Ты персонажик! Ты дух бесплотный! Ты жил-то лет триста тому назад! Каким это образом ты умудряешься оставаться материалистом?!»

«Дело практики».

«Так у вас что, вроде как вырубился свет, когда я потерял сознание?» — спросил Иннот.

«У нас вообще всё вырубилось, — мрачно ответил Кумарозо. — Всё-всё. И ты просто не представляешь себе, насколько неудачно выбрал для этого время. В такой, блин, пикантный момент...»

«Да, старина. Ты уж больше так не поступай с нами!»

«Как будто я нарочно!» — фыркнул Иннот.

«Ты отвечаешь не только за себя, но и за всех нас, так что изволь быть поосторожнее!»

«Я отвечаю только за себя. Всё равно все мы — это один и тот же человек, в конце концов!»

«Ну... Это очень сложный метафизический вопрос...»

Каюкера плавно повлекло вверх. Светлячки зажжённых спичек и зажигалок и склонённые над ним лица людей, каждым из которых был он сам, постепенно отдалялись; и вместе с тем тьма рассеивалась, становилось всё светлее и светлее, пока Иннот наконец не открыл глаза.

Он лежал на узкой кровати, укрытый до горла пушистым мягким одеялом. Голова гудела, словно гнездо растревоженных шершней. Пахло лекарствами; осторожно выпростав из-под одеяла руку, Иннот нащупал на лбу толстую марлевую повязку. Под повязкой угадывалась большая шишка. Каюкер вздохнул и сосредоточился. По коже пробежали мурашки: началось экстренное самовосстановление организма. Боль в голове утихла. Иннот с интересом осмотрелся. Комната была чрезвычайно тесной — даже меньше каюты курьерского дирижабля; однако духоты, обычно присущей маленьким помещениям, здесь совершенно не чувствовалось. Серый пол, белые стены и потолок; тёмно-синяя раздвижная дверь... Небольшой откидной столик напротив кровати, уставленный лекарствами, составлял всю её обстановку. Кровать, на которой он лежал, находилась в нише; в изголовье горел мягким белым светом круглый плафон. «Похоже, с техникой у этих ребят всё в порядке», — подумал Иннот. Судя по всему, в ближайшее время ему ничто не грозило; иначе зачем бы странным обитателям башни оказывать чужаку медицинскую помощь? Рассудив так, он устроился поудобнее и прикрыл глаза. Синяки и ушибы всё ещё чувствовались, но боль с каждой минутой отступала. Незаметно для себя каюкер погрузился в сон.

Проснулся Иннот от того, что был не один. Он тихонько приоткрыл глаза. У столика, вполоборота к нему, стояла фигура в белом кимоно и синих боксёрских трусах. Негромко позвякивало стекло.

— Эй, парень! — окликнул фигуру Иннот. Тот стремительно обернулся.

— Не беспокойтесь ни о чём, вы в безопасности, — скороговоркой выпалил он.

Каюкер узнал говорившего: это был самый первый из встреченных им внутри башни.

— То есть бить меня больше не будут? — на всякий случай уточнил он.

Паренёк улыбнулся.

— Нет-нет! Это была проверка!

— Да? Гм... И что же вы проверяли?

— Я сейчас позову иерофанта, и он всё объяснит! — паренёк рванулся к двери.

— Постой! Скажи сперва, это тот самый... — начал Иннот, но собеседника уже не было рядом.

Иерофант появился минут через десять. Как и предполагал каюкер, им оказался старик, отправивший его в нокаут.

— Приветствую тебя в башне МБМ, чужеземец! — величественно выговорил он, останавливаясь на пороге и оглаживая бороду. — Не тревожься за свою судьбу; ныне тебе ничего здесь не угрожает.

— Да-а? Это хорошо... — задумчиво протянул Иннот. — А почему каждый встреченный считал своим долгом навалять мне люлей? Я даже представиться не успел!

— Таков обычай сего места, — степенно разъяснил старец. — Находясь в этих стенах, надлежит избавиться от суетных мыслей; слушать и говорить не языком, но сердцем.

—Да, *впаял* ты мне сердечно! — Иннот осторожно ощупал повязку.

Большая часть гематомы уже рассосалась, но прикосновение всё ещё было болезненным.

— Для непосвящённого забыть об уловках разума возможно лишь в бою, когда шелуха слов исчезает, обнажая истинную природу каждого. Вступив в поединок, мы за несколько мгновений узнали друг о друге больше, чем смогли бы за долгие часы беседы.

«Очень интересно, что можно узнать о человеке, дав ему со всего маха в лоб! Какого цвета у него подмётки, что ли?»

— И что же ты узнал?

— Достаточно, чтобы заинтересоваться твоей особой. — Старец прикрыл глаза. — Адепт Двакро, тот, за которым ты следовал, сказал, что ты необычный человек; однако тогда я не придал его словам должного значения и теперь вижу, что был не прав.

— У меня есть куча вопросов...

— Несомненно. — Иерофант чуть заметно улыбнулся. — И на некоторые из них ты можешь получить ответ прямо сейчас.

— Хорошо... Тогда расскажи мне, что это за место? Какой-то монастырь, если я правильно понял?

— Не «какой-то», чужеземец, а Монастырь Безумных Метеорологов! Это место является хранилищем древних знаний и умений, ныне покинувших мир.

— Метеорологи, насколько я знаю, должны заниматься предсказаниями погоды...

— Мы не только предсказываем погоду; если требуется, мы её создаём!

— Круто! — уважительно присвистнул Иннот. — А почему безумные?

— В этих стенах — обычные человеческие правила теряют свою силу; здесь властвуют иные принципы и законы. По меркам тех, кто живёт в лесах и городах, это безумие; но оно всего лишь является оборотной стороной мудрости...

«Ну, пошёл нести пургу», — вздохнул про себя каюкер. На некоторое время он перестал прислушиваться к голосу старца и вернулся к реальности только тогда, когда тот задал ему вопрос:

— ... а теперь ответь мне: что ты чаял обрести здесь, за этими несокрушимыми стенами, в обители мудрости и силы?

— Я надеялся разузнать о тропах через перевалы. Я иду на север. Эти места безлюдны, и спросить было некого. Поэтому, когда я увидел человека, то пошёл за ним следом — сначала просто ради любопытства, потом, чтобы узнать, куда он направляется, — честно ответил Иннот.

— Но что же влечёт тебя на север? — удивился иерофант. — На моей памяти никто ещё не пытался преодолеть Туманный хребет в одиночку!

— Это долгая история... — вздохнул каюкер. — Ну, если совсем коротко, то я иду выручать друга из беды.

— Благородная цель... — склонил голову иерофант. — Не буду пока спрашивать, каким образом твой друг очутился там; всему своё время. Сейчас я вынужден покинуть тебя, но мы ещё продолжим беседу. Если тебе будет что-нибудь необходимо, обращайся к прозелиту Абаке — это тот, с которым ты уже встречался. Он будет рад показать тебе монастырь.

— Прозелит? Это слово обозначает его положение в здешней иерархии, верно?

— Да... — старец снова погладил бороду. — Те, кому выпала честь быть принятым в ряды метеорологов, зовутся прозелитами, сиречь новообращёнными...

— И они носят беленькие кимоно?

— Да. Белые, как лёгкие облачка на горизонте... Продвигаясь по тропе мудрости, прозелиты совершенствуют свою натуру, и наступает день, когда они получают звание неофитов, сиречь новичков. Путь, который суждено пройти неофиту, долог и труден; но когда тело и разум приобретают безупречность, мускулы становятся твёрже камня, а мысль — острее листа декапитария, они получают высокое звание адепта.

— Неофиты и адепты — это которые в синеньких кимоно? — уточнил Иннот.

— Серо-синие, цвета грозовых туч, — несколько раздражённо отозвался старец.

— Угу... А корифеи? Постой, дай-ка угадаю: эти носят чёрные очки, да?

— Очки — лишь символ. Они означают, что корифей способен видеть сквозь тьму и прозревать истинную природу вещей. Немногие смогли пройти этот путь до конца и выдержать Испытание; но те, кто выстоял, воистину стали неуязвимыми и непобедимыми. Буду откровенным, чужеземец: тебя оставили здесь лишь потому, что ты сумел выдержать несколько секунд боя с одним из корифеев. Такое под силу немногим людям внешнего мира, пусть даже ты и обладаешь необычайными способностями. Если бы не это, ты очнулся бы у подножия башни, так и не узнав то, что знаешь сейчас. Отдыхай, мы ещё встретимся. — И с этими словами иерофант покинул келью.

Первый вопрос, который Иннот задал прозелиту Абаке, был относительно кормёжки. Тут его, однако, ждало жестокое разочарование: питались метеорологи очень скромно, причём исключительно растительной пищей. «Наставники говорят, что есть два пути обретения силы, — поведал Абака. — Можно наращивать мощь тела, силу мускулов, но рано или поздно дойдёшь до предела своих способностей, ибо они не бесконечны. А можно совершенствовать дух, подчиняя тело ему; этот путь намного труднее, но и результаты несравнимо выше, ибо дух границ не имеет». Каюкер только вздыхал, слушая эти рассуждения.

Распорядок жизни здесь был очень строгим. В пять утра начинал звенеть электрический звонок, упрятанный где-то в толще стены. Спустя две минуты после звонка надлежало быть в коридоре, полностью одетым. При этом постельное бельё аккуратно укладывалось в находившийся под ложем рундук. Далее следовала перекличка, после чего метеорологи направлялись на внешнюю площадку, одну из трёх, опоясывающих башню. Начиналась тренировка. Немного знакомый (через посредство Воблина Плиза) с армейскими порядками, Иннот находил немалое сходство между ними и монастырскими правилами. Впрочем, жизнь метеорологов была ещё более суровой: долгие часы изматывающих тренировок, напряжённые занятия в мастерских и лабораториях башни не оставляли ни минуты свободного времени. Жизнь была строго расписана. Иннот с удивлением узнал, что обитателям монастыря не разрешается покидать башню. Это правило распространялось не только на прозелитов и неофитов, но и на адептов. Снаружи можно было оказаться, лишь получив разрешение иерофанта. Из осторожности Иннот пока не стал выяснять, относится ли это к его персоне; впрочем, у него всегда была возможность убраться из монастыря по воздуху.

Абака воспринял своё назначение гидом как праздник — для него это была единственная возможность отдохнуть от суровых будней монастырского распорядка.

— Вся наша жизнь сосредоточена в средней части башни, — охотно объяснял он Инноту. — Ну, то есть у неофитов и прозелитов. Мы здесь спим, едим, тренируемся и учимся. Внизу расположены кухни, термы и всякие механизмы, обеспечивающие монастырь всем необходимым.

— А откуда берётся электричество? — полюбопытствовал каюкер.

— Здесь часто случаются грозы, и молнии бьют в башню. По всей её длине проходит огромный громоотвод, по которому энергия стекает в подземный накопитель.

— Ты хочешь сказать, что вам удалось обуздать силу молнии?! — не на шутку заинтересовался Иннот. — Но как этот накопитель устроен?

Абака чуть смущённо пожал плечами.

— Я всего лишь прозелит — нам такие вещи не рассказывают.

— А что там ещё выше? — задрал голову Иннот.

— Над нами находится площадка Среднего Радиуса, а ещё выше — Малый.

— А потом идёт этот шпиль-громоотвод, да? А что это за круглое утолщение на нём?

— А-а, вот ты о чём... Это зал Испытания. Именно там адепты становятся корифеями — или погибают.

— Даже так? Сурово... А что там происходит?

— Это страшная тайна! — Абака сделал круглые глаза. — Я думаю, это знают лишь те, кто побывал там, а они ничего никому не рассказывают.

— Ладно, спрошу у Верховного, — небрежно обронил Иннот, чем вызвал благоговейный ужас прозелита — субординация в башне соблюдалась строжайшим образом.

Несколько дней каюкер отсыпался и знакомился с монастырём и его порядками. Питался он вместе со всеми, два раза в сутки, утром и ранним вечером; в остальное же время был предоставлен самому себе. Очень быстро обнаружилось, что попасть можно далеко не всюду: некоторые двери не желали открываться, сколько Иннот ни топтался на резиновом коврике; кроме того, было что-то непостоянное во внутренней планировке башни. Когда он поделился этим наблюдением со своим гидом, тот подтвердил — да, некоторые помещения монастыря являются подвижными и могут перемещаться внутри исполинской конструкции; правда, для чего это нужно, Абака не знал.

Чрезвычайно заинтересовала каюкера местная библиотека: там он и засел, отпустив своего провожатого.

Глава 3

— Какой идиот сказал, что здесь будут раздавать бесплатное угощение?! — рявкнул распорядитель танцев.

— Господин мэр, — вполголоса ответил ему один из музыкантов и улыбнулся, увидев, как жирное лицо распорядителя наливается кровью.

— Ничего подобного, — вступил в беседу один из чиновников. — На плакатах ясно написано: бесплатные танцы для публики и бал с угощением в здании мэрии. В зда-ни-и, чувствуете разницу? Туда кого попало не пускают — и правильно делают, между прочим. Банкет только для важных персон. Да и где напасёшься еды на этакую ораву?

— Может быть, подкатить пару полевых кухонь и устроить раздачу бесплатной похлёбки? — робко предложил кто-то, выглядывая из окна.

Внизу волновалось людское море. Великий Джа, сколько же их там! Откуда вообще взялись эти праздношатающиеся куки, вяло удивился распорядитель. Эх, сейчас бы взять — да всю толпу на плантации, лет на пять! Жаль, нельзя. Он прочистил горло.

— Короче, будем начинать. Идите и играйте своё кумарное джанги, — он подтолкнул музыкантов к дверям. — Идите, идите. Пусть лучше подрыгают ногами, чем набивать себе брюхо. Господин мэр заботится о здоровье нации!

Музыканты, ворча и встряхивая дредами, потянулись на улицу. Толпа заволновалась.

— Ничего, сейчас успокоятся, — с некоторым сомнением в голосе пробормотал распорядитель и вытер лоб рукавом.

Толпа и в самом деле на некоторое время отвлеклась. Извечные ритмы Великого Леса заставляли ноги плясать вне зависимости от того, что там думает голова. Музыканты старались на совесть; в дальнем конце площади кто-то установил горящие бочки, чтобы танцевать не просто так, а вокруг огня.

На свою беду, никто из устроителей банкета не догадался опустить занавески на первом этаже. Наступали сумерки, и ярко освещенный банкетный зал мэрии невольно притягивал к себе взгляды. Напрасно оркестранты наяривали всё более и более зажигательные ритмы: даже выступление знаменитой на весь Вавилон шоу-студии «Индесент дэнсез» не смогло отвлечь толпу от увиденного. На одном конце площади ещё танцевали, а на другом уже возникал грозный ропот. Стражники опасливо переглядывались, потихоньку присматривая пути отступления. Казармы, как на грех, были пусты: серьёзных беспорядков не ожидалось, и большинство рядового состава распустили по домам.

Чобы подтолкнул друга под локоть.

— Слышь, старик! Сейчас как бы самое время начинать!

У Пыхи от волнения пересохло в горле. «Ты должен! — шептал ему внутренний голос. — Что бы ни случилось потом, ты должен сделать это — именно здесь и сейчас, во имя торжества великой Идеи!»

— А ну, расчистите место! — властно покрикивал неподалёку Твадло, сгоняя каких-то робких куки с их собственной телеги. — Мы вам стихи будем читать!

Пыха взобрался на импровизированный помост и трясущимися руками открыл Книгу. Что, если сейчас ничего не получится?! — вспыхнула вдруг паническая мысль. Что, если странные червячки на страницах так и не воплотятся в пронзительные и ясные слова?! Тревоги его, однако же, были напрасными; стоило обложке распахнуться, как чёрные пиявки стремительно зашевелились, складываясь в строки. Пыха набрал в грудь воздуха...

Едва лишь прозвучали первые рифмы, как толпа притихла. Тишина кругами распространялась от телеги, словно волны от упавшего в воду камня; всё больше и больше народу, затаив

дыхание, вслушивались в чеканные строки; и в глазах у каждого можно было прочесть: да! Вот оно!

Оркестр как-то незаметно замолчал. Хрипловатый тенорок Пыхи странным образом обрёл силу и глубину; его раскаты гремели уже на всю площадь, эхом отражаясь от стен. Сильно побледневшие стражники, изо всех сил стараясь быть незаметными, отступали к дверям мэрии. Напряжение нарастало. Пыха сжал руку в кулак и ритмично вскидывал её над головой в такт стихам. В ответ кулаки взвились и над толпой — сперва десятки, потом сотни, а потом уже вся огромная масса людей в едином ритме выбрасывала руки вверх, рёвом приветствуя каждую новую строфу. Уже всем было понятно, что их всю жизнь бессовестно угнетали и обманывали; и всё яснее и яснее становилось — кто. Гнев сгущался над площадью, подобно грозовым облакам; вдобавок ноздри щекотал некий странный аромат...

Кто-то внутри банкетного зала наконец догадался задёрнуть занавески. Будь это сделано десятью минутами раньше, возможно, ничего бы и не случилось, но сейчас банальное, в общем-то, действие оказалось искрой, упавшей в бочонок пороха.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!!! — завопили сразу несколько голосов. — Пр-р-рячетесь, гады?! Капиталисты проклятые! Эксплуататоры! Р-р-абовладельцы!

Несколько камней просвистело в воздухе и ударило в стены мэрии; ещё один угодил точнёхонько в стекло. Витавший над площадью неуловимый, дразнящий аромат вдруг сгустился и обрушился, подобно кузнечному молоту, — невероятно сильный и аппетитный запах жареной курятины. Голодную толпу он привёл в неистовство. Ограда скрипела и трещала; люди гроздьями повисали на прутьях, с ловкостью обезьян карабкались на узорные ворота — и те, наконец, не выдержав напора, распахнулись. Беснующийся людской поток хлынул внутрь, устремляясь к дверям мэрии; изящные лакированные брандулеты на стоянке переворачивали вверх дном; град камней обрушился на окна.

И никого уже, казалось, не удивляла исполинская безголовая туша жареной курицы, возглавившая нападавших. Чудовищный мосол ножки плавно пошёл назад, а затем со всего маха врезался в дверь. Брызнули во все стороны щепки; следующий удар заставил филёнку лопнуть со звуком пушечного выстрела. Великий Кур просунул острые концы гигантских крылышек в образовавшееся отверстие, поднатужился — и вынес обе створки. Толпа потекла внутрь.

Погром продолжался почти час. По прошествии его в доме не осталось ни единого целого стола или стула. Картины и гравюры топтали ногами; занавеси срывали, повисая на них, как кошки; бумаги из шкафов и бюро толстым слоем устилали полы. Еда со столов, будь это дичь, желе или салаты, распихивалась по карманам; бутылки с редкими винами опорожнялись в бездонные глотки или попросту расшибались о стены. Несколько оборванцев вовсю раскачивались на массивной хрустальной люстре, стремясь сбросить её вниз и нимало не беспокоясь о том, что она рухнет на головы их сотоварищей. Находившихся внутри мэрии, неважно — чиновников или прислугу, выволакивали на улицу. Страшный призрак цеплял несчастных своими крылышками, подкидывал в воздух — и, словно заправский футболист, поддавал нижней конечностью. Раскоряченные фигурки одна за другой разлетались к дальним концам площади. Под финал из разбитых дверей выкатили две бочки пальмового вина; люмпены приветствовали их появление радостными криками. У бочек вышибли верх; толпа медленным мальстрёмом вращалась вокруг них. Внезапно какой-то куки, обезумев от запаха съестного, выбросил растопыренную пятерню и вырвал кусок аппетитно пахнущей плоти из ляжки Великого Кура. Тот, казалось, ничуть не возражал против такого обращения, и спустя мгновение десятки рук погрузились в тело призрака. Измазанные жиром с головы до ног, обжигаясь брызжущими струями горячего сока, люди со стонами и урчанием набивали себе рты нежнейшим мясом, бесцеремонно отпихивая друг друга. Кто-то, обожравшись сверх всякой меры, извергал съеденное под ноги своим товарищам и, хрипя, вновь бросался в людскую гущу.

Ни Пыха, ни Чобы Стисм не принимали участия во всеобщей вакханалии. Пыха сидел, покачиваясь, на передке телеги, обхватив себя руками, и трясся мелкой дрожью, не вполне, кажется, понимая, кто он такой и где находится. Чобы придерживал на соломе бьющегося в судорогах Твадло. Рот и подбородок альбиноса покрывала белая пена; глаза закатились так, что радужки совсем не было видно.

— Телефон! Телеграф! Скорее, уроды! Вокзалы занять! — срывались с посиневших губ бессвязные слова.

— Никчёмный ты человечишко, Твадло! С тобой одна морока! — недовольно ворчал антипримат.

— Патрули! Летучие отряды!

— Да помолчи ты, ради Джа!

—Про мосты забыли, товарищи!!! — взвизгнул Твадло и вдруг обмяк; лишь голова продолжала мотаться туда-сюда на тонкой шее.

— Ну за что мне такое наказание! Одного лихорадит, другой вообще эпилептиком заделался! Алле, Пыха! Эй, куки, тебе говорю! Давай-ка, типа, смазывать пятки! Не нравится мне всё это!

Пыха медленно взялся руками за бортик и неловко перевалился через край, едва не выронив зажатую под мышкой Книгу. В голове у него сейчас ничегошеньки не было, только гулкая пустота; тело ощущалось словно чужое. Он покорно помог Чобы взвалить на плечи чахлое тельце альбиноса и поплёлся следом, а с противоположной стороны площади показался отсвет множества факелов — кто-то догадался оповестить войска. Экс-каторжане постепенно удалялись от центра; и никто из них не замечал, что следом бесшумно скользят две тонкие чёрные фигуры, беззвучно перемещаясь из тени в тень.

Когда оживлённые улицы остались позади, Чобы остановился и со стоном облегчения опустил свою ношу на асфальт.

— Ох! Не могу больше!

Зубы Пыхи выбивали мелкую дробь.

— Чтоб я ещё раз, как бы, подписался на такое! Нет, с меня хва...

Из темноты соткалась высокая жилистая фигура. На макушку антипримата звучно опустилась толстая бамбуковая палка.

— Ёпс! — сказал Чобы Стисм и повалился рядом с Твадло.

Пыха поднял глаза. Страха не было; все его эмоции словно отключились на время.

— Книга, — разомкнул губы Хадзме. — Давай сюда.

Пыха медленно, будто во сне, перевёл взгляд на зажатую под мышкой Книгу. За спиной его бесшумно возник Ххай. Дубинка ещё раз взметнулась в воздух; паренёк присоединился к своим товарищам.

— Дело сделано, — произнёс кипадачи.

— Уходим.

— С-с-та-аять!!!

В нескольких метрах от воинов внезапно вспыхнули дьявольским жёлто-зелёным светом два глаза. Старая ведьма Перегнида нарочито неторопливо шагнула в полосу лунного света, кривя в ухмылке сизые губы.

— Ка-а мне, мои пёсики! Ка-а-а мне!!!

Хадзме с ужасом чувствовал, что его тело, вопреки собственной воле, медленно пригибает к земле.

* * *

Спустя несколько дней после своего проникновения в башню, ранним утром, каюкер выбрался на обзорную площадку Малого Радиуса. Согласно неписаной традиции, метеорологи низших степеней посвящения старались здесь не появляться без особой надобности.

Восход солнца был великолепен. Вершины далёких гор постепенно розовели, словно раскаляющиеся крицы железа в кузнечном горне. Синяя мгла отступала на запад; длинные извилистые тени змеями уползали в каньоны, втягивались в трещины и складки горных отрогов. Иннот глубоко вдохнул обжигающе-холодный, как ключевая вода, воздух и задрал голову. Дневной огонь загорелся на верхушке шпиля, помедлил немного и потёк вниз, высвечивая стальную паутину тросов и креплений. Двери раздвинулись. Высокая худая фигура ступила на площадку и остановилась рядом с каюкером, опершись о поручень.

— Каждое утро я встречаю здесь рассвет, — разомкнул губы иерофант. — Нет более величественного зрелища, чем рождение нового дня.

— Да, очень красиво, — согласился Иннот и снова посмотрел на шпиль. — Скажи, а это правда, что вон в той круглой штуке адепты проходят посвящение в корифеи?

— Правда, — старец улыбнулся. — А почему ты спрашиваешь?

— Интересно же! У вас вообще куча всего интересного — взять хотя бы библиотеку.

— Ты любишь получать знания?

— Конечно.

— Ты попал сюда отнюдь не случайно; хотя сам, возможно, думаешь по-другому. Здесь место тем, кто ценит великие истины превыше мимолётных соблазнов мира.

— Я, вообще-то, не сказал, что ценю их выше всего...

— А что же в таком случае является главным для тебя?

Иннот долго молчал.

— Жизнь, — наконец вымолвил он. — Просто жизнь.

— Но ради чего?

Каюкер кивнул на край площадки.

— Ради всего этого. Не знаю, Верховный, как ещё сказать...

— Ты стремишься к деянию, — вздохнул иерофант. — Такие, как ты, подобны сухому куску дерева — они дают пищу огню жизни, но сгорают в нём без остатка. Я другой. Я живу далеко не первую сотню лет — да-да, не удивляйся... Мы не постигли тайны бессмертия, но преуспели в продлении жизни. Иногда я кажусь себе камнем на вершине неприступной скалы. Я оброс мхом, я наблюдаю круговорот жизни и смерти, творящийся внизу, а ветра этого мира лишь полируют мою поверхность. Это иллюзия, конечно; даже горы умирают с течением времени. Но мне жаль подобных тебе: не каждый горит столь чистым и светлым пламенем.

— Гм... Спасибо на добром слове, конечно... А что, если я не кусок дерева, как ты выразился, а например, фитиль в плошке масла? Что, если я свечу, но не сгораю?

— Такое возможно лишь в пустых мечтах, юноша, — старец огладил бороду, — а то, что творится в башне, — явь, хотя вряд ли живущие внизу поверили бы во всё, что здесь происходит.

— А как сюда попали остальные? Знаешь, они показались мне настоящими фанатиками этой вашей башни... — тут Иннот прикусил язык.

— Они и есть фанатики, фанатики знания, — кивнул иерофант. — Так же, как и я. Редко, иногда раз в несколько поколений, в лесном племени рождается мальчик, которому мало того, о чём мечтают его сверстники. Он жаждет познавать сокровенные тайны мироздания, осушать моря и сводить звёзды с небес; жажда эта не исчезает с годами, а всё больше и больше мучает его. Её не утолят ни Лес, ни Вавилон, и тогда шаман племени рассказывает ему легенду о башне высоко в горах.

— Именно мальчик? А если тягу к познанию проявит девочка?

— Девочка?! — изумился иерофант. — Что за вздорная мысль! Как можно научить чему-то... девочку!!! — Он возмущённо пожал плечами.

— И он идёт сюда? А что-нибудь более весомое шаман ему даёт — ну, компас там, карту... А то ведь и заблудиться немудрено!

— Если такова его судьба, он найдёт путь.

— И вы научите его сводить звёзды с небес? — каюкер саркастически приподнял бровь.

— Нет. Мы научим его не желать этого. Мечты вообще редко воплощаются, и никогда так, как этого хочется. Но понять сие можно, лишь проведя в башне долгие годы.

— А я вот припёрся без протекции, хотя, как ты говоришь, и очутился здесь не случайно...

— Да, твой путь необычен; я и подумать не мог, что кто-то сумеет забраться по наружной стене. Страх высоты присущ всем, за исключением птиц; но человек — не птица.

— Ну, это как сказать... — ухмыльнулся Иннот. — Что, если мой предок-тотем был белкой-летягой? Ладно, давай вернёмся к началу нашей беседы. Мне действительно всё здесь жутко интересно, но я должен исполнить долг. Надо отправляться в путь, Верховный.

— Зажила ли твоя голова?

— Давно уже! — Иннот откинул со лба волосы. Иерофант удивлённо изогнул бровь.

— На диво быстро...

— Кстати, не объяснишь, как это ты меня? — полюбопытствовал каюкер.

— Искусство сверхзвукового щелбана. — Старик многозначительно поднял вверх палец. — Секретный удар метеорологов. Тренированный адепт может одним щелбаном уложить прекрасно вооруженного и превосходно обученного врага.

— Ты хочешь сказать, что просто влепил мне щелбан?!! — завопил Иннот.

— Просто? Хо-хо! Этому мастерству учатся долгие годы! Сначала тренируют мощь и силу пальцев, потом — ежедневно по нескольку часов в день учатся наносить щелбан, оттачивая быстроту движения, сперва на мягкой поверхности, потом на твёрдой. И лишь когда ты сможешь одним щелчком разбить бутылку или расколоть толстую сосновую доску...

— Мне попросту дали щелчка! Поверить не могу!

— Не понимаю, что тебя так смущает, — пожал плечами иерофант. — Речь сейчас не об этом. Я не стану тебя задерживать, если ты решишь уйти; однако знай, что пытаться перевалить через Туманный хребет в одиночку равносильно самоубийству. Мы, разумеется, укажем тебе торные тропы, но я хотел бы знать — для чего тебе так надо на север? Ты сказал, что идёшь выручать из беды друга...

Иннот глубоко вздохнул и принялся рассказывать. Под конец он извлёк из-под пончо заколдованную медную монетку и положил на ладонь. Стрелка лениво развернулась, указывая в сторону гор.

Воцарилось молчание. Внезапно иерофант отступил на шаг и отвесил изумлённому каюкеру глубокий поклон.

— Ты и впрямь редкий человек, чужеземец! Знай же: то, что ты намереваешься свершить, сродни великому Посвящению, кое прошли все корифеи... Ибо исполнить задуманное не в человеческих силах.

— Ну почему же? — пожал плечами Иннот. — Если взяться за дело с умом...

— Никому ещё на моей памяти не удавалось вырваться из когтей живых мертвецов и великих некромантов севера! Воистину, тобою движет то же высокое безумие Духа, что и нами!

— Знаешь, Верховный, я не большой знаток метафизики, и вообще — парень конкретный. Так что сориентируюсь на месте, ну, а там видно будет. Кстати о торных тропах: я видел любопытную штуковину в той комнате, где ты меня вырубил. Что-то вроде объёмной карты. Я потом спрашивал Абаку, но он не знает, о чём речь, а сам я её не нашел.

— Конечно, он не знает: прозелитам и неофитам нечего делать в климатологической!

— А мне можно глянуть? Старец пошевелил бровями.

— Полагаю, что да. Открою тебе секрет: это всего лишь макет, хотя и необычайно подробный. Он служит для моделирования некоторых процессов, но отнюдь не для их инициации.

— А как вы управляете погодой? Бормотология?

— Да, но не только. Высоко в горах расположены тайные устройства и древние механизмы, которые могут вызывать те или иные изменения в окружающем мире... Это всё, что я могу сказать непосвящённому. Если ты когда-нибудь захочешь узнать больше, возвращайся сюда и вступи в наше братство.

— Мне придётся начинать с прозелита?

— Как и всем...

— Однако, сдаётся мне, дерусь я получше этих ребят в беленьком...

— Твоё воинское мастерство где-то на уровне продвинутого неофита, но дело ведь не только в умении сражаться. Кроме того, согласись: если бы не твои необычные способности, столь схожие со способностями электрического угря, ты вряд ли управился бы со своими соперниками.

— Ну, это как сказать; всё же в полную силу я дрался только с корифеем... Хотя он будет покруче меня, признаю.

— Должно быть, там, откуда ты пришел, немногие могли сравниться с тобой; ибо даже неофит башни способен одолеть мастера воинских искусств из тех, что обитают внизу, — иерофант махнул рукой в сторону юга.

— Напрасно ты так пренебрежительно говоришь о них, — отозвался каюкер. — Однако я и в самом деле был бойцом не из последних. Пожалуй, только проклятый Шамполамо оказался сильнее меня, да и то — будь у нас равное оружие, неизвестно ещё, кто кого.

— Шамполамо? Чаква Шамполамо?

— Ты знаешь его?! — изумился Иннот.

— Который уже раз я убеждаюсь, что в мире нет случайностей... — прошептал иерофант. — Знаю ли я его? Да, я его знаю. Молодой адепт, один из самых талантливых... И самая большая ошибка за долгие годы моей жизни.

— Так он отсюда? То-то махается здорово... — понимающе кивнул Иннот. — Но постой, ты сказал, адепт? А разве адепты не должны получить твоего соизволения на то, чтобы покинуть монастырь?

— Таково общее правило, и можешь поверить, все эти годы оно свято блюлось. Носителям высокой мудрости не пристало жить среди простых смертных, ибо их страсти в конце концов овладевают даже лучшими из лучших, а сила мудрецов такова, что способна натворить множество бед... Башня Безумных Метеорологов — это центр тяжести невидимых весов, нависших над миром. Мы должны находиться здесь, чтобы равновесие чаш сохранялось.

— А что же с Шамполамо?

— Это печальная история... Он действительно был очень талантлив, но при этом чрезвычайно своеволен и высокомерен. Долгое время наставники смотрели на это сквозь пальцы; ибо высокое мнение о собственной персоне постоянно подстёгивало его тягу к совершенству, а своеволие они считали проявлением независимости духа. Особенно поднаторел он в боевых искусствах, в совершенстве овладев техниками грохманта и носопыра. Однако нравственность его и мораль были куда менее совершенны, чем тело и дух. Полагаю, низменные инстинкты и желания постепенно овладевали им, подтачивая самую суть. И вот, уже будучи адептом, он обратился ко мне с просьбой допустить его в зал Посвящения. Однако разрешить подобное было бы верхом неразумия — ибо он не был готов принять звание корифея и всё с ним связанное.

— Извини, что перебиваю, — маленькие глазки Иннота сверкали от любопытства, — но что за Посвящение-то?

— Сие великая тайна... Впрочем, тебе я могу её открыть, ибо на самом деле всё это фигня. Поклянись только не говорить ни слова, пока находишься в этих стенах.

— Шобъясдох! — торжественно произнёс каюкер ритуальную формулу страшной клятвы и ткнул себя в грудь оттопыренными большими пальцами. — А почему?..

— Чтоб неофиты с прозелитами не борзели, — пояснил иерофант. — Должны же они старших уважать! Есть, понимаешь, такое слово — субординация... А тайна сия проста, чужеземец: звание корифея получают вместе с чёрными очками. Несколько десятков этих очков хранятся в футлярах в верхней части зала Посвящения. Чтобы взять такой футляр, надо взойти по лестнице — она спиралью завивается вокруг колонны громоотвода. Но лестницу стережёт расчленяющая машина. Словно огромный тарантул из воронёной стали, висит она в паутине тросов и ферм, ожидая очередного претендента.

— А в чём фишка-то?

— Суть в том, что победить машину не в человеческих силах. Она намного быстрее и сильней любого, пусть даже самого закалённого и опытного бойца. Чтобы одолеть её, надо выйти за пределы собственной личности; сверхчеловеческим напряжением сил освободиться от оков собственного «я». Такое по силам единицам; но даже если в двери Посвящения войдёт самый просветлённый из адептов, предсказать исход схватки нельзя.

— Хотел бы я посмотреть!

— Она сейчас на техосмотре. Панцирь снят, тяги я сам пооткручивал и положил в керосин отмокать; короче — железяка железякой...

— Ладно, проехали. Значит, некогда молодой адепт Чаква обратился к тебе с просьбой и получил отказ?

—Верно. Он продолжил обучение, вкладывая, как обычно, все свои силы в то, что делал, — и я решил было, что он усмирил свою гордыню, ибо теперь большую часть времени Чаква посвящал не боевым искусствам, а резьбе по дереву. Я счёл это благоприятным признаком, но время показало, сколь жестоко я ошибался! Спустя месяц я послал с неким поручением за пределы башни одного из умудрённых адептов, а вскоре выяснилось, что Чаква Шамполамо бесследно исчез. Я велел обшарить монастырь сверху донизу, и в кессонной камере Подводных Врат метеорологи обнаружили бездыханное тело моего посланника. Должно быть, Шамполамо подстерёг несчастного и погасил его, забрав пайцзу — ключ, при помощи которого можно покинуть башню.

— Погасил?

— Его убили приёмом «танец маленьких грохмантов», а стилем грохманта проклятый ворюга владел в совершенстве.

— А что это за приём?!

— Да ничего особенного, монтировкой по маковке приложил, и всё тут... Раз пятьдесят...

В голосе иерофанта прорезалась досада.

— Ты отрядил за ним погоню?

— Да. Я прибегнул к бормотологии, чтобы определить, куда он направит свои стопы. Он шел в Вавилон, и я послал по его следам адепта, поднаторевшего в боевом мастерстве, полагая, что этого будет достаточно. Увы, он вернулся ни с чем! Проклятый Шамполамо как сквозь землю провалился.

— Ну и дела! — покачал головой Иннот. — Ладно, когда я буду устраивать ему каюк, то передам от тебя личный привет, оки? Кстати, что он спёр-то?

— Ты слышал что-нибудь о Великом Маге, вскрывшем подземные реки? — приосанился старец.

— А то! — хмыкнул каюкер. — В Биг Бэби даже песенка такая есть: «затопил нас Мардехай, хоть ложись да подыхай». Великий Маг Мардух и есть тот самый кекс, который обожает заливать соседей... В континентальном, так сказать, масштабе!

— Я бы попросил! — Иерофант оскорблённо выпятил губу.

Каюкер непонимающе нахмурился. Спустя миг до него дошло...

— Так Мардух — это ты?!!

—Э... Ну да. Только я не люблю, когда меня так называют. Эта дурацкая кличка у меня ещё со школьных времён... Так вот, юноша: я действительно занимаюсь крупномасштабными проектами; и если бы всё шло, как положено, никаких особых бед не случилось бы. Дело в том, что в нашем мире с давних пор существуют два величайших бормотологических артефакта, созданных некогда разумом столь же великим, сколь и таинственным. Это волшебные палочки, дающие непосредственную власть над живой и мёртвой материей — заветная мечта бормотологов всех времён и народов. Белая позволяет творить чудеса с живыми организмами, а чёрная совершает изменения в косной природе. С её-то помощью я и поднял воды из глубин земли, надеясь остановить процесс спустя должное время. Но — увы! Похититель умыкнул сей уникальный инструмент, поставив меня в крайне неловкое положение.

— Почему ты рассказываешь мне такие вещи? — спросил Иннот после долгой паузы. — Уж это — как пить дать самая страшная тайна! Такое могущество...

— Вовсе нет... Дело в том, что обычный человек, да и волшебник тоже, если только он не Великий Маг, попросту не может воспользоваться этим инструментом. Мозг не выдержит, понимаешь? Это всё равно, как если бы слабенькую лампочку ввернули в патрон и подали напряжение раз в десять выше номинального. Надеюсь, в электричестве ты разбираешься — ведь ты и сам в некотором роде...

— Ясен пень! Но зачем же тогда Шамполамо похитил её?

Иерофант пожал плечами.

— А кто его знает! Могу сказать одно — если бы он активировал её, то превратился бы в буйного психа или слюнявого идиота раньше, чем смог бы что-либо сделать.

— Значит, одна из этих палочек до сих пор хранится у вас? — заинтересовался Иннот. — А можно взглянуть на этакое чудо?

— Можно, почему бы и нет... Пойдём.

Иерофант провёл каюкера по коридорам, в этот час пустынным — у метеорологов был разгар утренней тренировки. У одной из дверей, на вид ничем не отличающейся от других, старец остановился.

— Вы бы хоть таблички повесили! — посоветовал каюкер. — Как вы ориентируетесь, где что? Ну, допустим, ты за столько лет знаешь здесь всё, как свои пять пальцев, но остальные-то?

— Для остальных это неплохая тренировка памяти, — откликнулся иерофант. — Ибо для дисциплинированного ума ничего не стоит удержать в голове карту башни.

Комната, в которой они оказались, была совсем небольшой. В отличие от прочих помещений, все плоскости здесь покрывала керамическая плитка — терракотово-жёлтые миниатюрные квадратики. Светильники почему-то были устроены прямо в полу — два круглых окошка, забранные матовым стеклом. В ярком луче одного из них парила, ничего не касаясь, круглая голова демона, искусно вырезанная из кости, с выпученными чёрными глазами — словно негатив талисмана, подаренного каюкеру Джихад. Иннот, не веря своим глазам, подошел ближе.

— Сейчас она не слишком-то похожа на палочку, верно? — раздался за спиной Иннота довольный голос иерофанта. — На эту вещь наложено трансформирующее заклятие; в данном случае она преобразована в антикварный разрезатель для бумаги и конвертов. Моя причуда, если честно... Нажимаешь на глаза, и изо рта выскакивает язык — острый, как бритва!

Глава 4

Просыпаться после наркоза — не самое приятное дело; в худшем случае недосчитываешься какой-нибудь части тела, в лучшем — испытываешь головокружение и рвотные позывы. С трудом преодолев тошноту, Адирроза разомкнула веки. «Хлороформировали, гады!» Руки и ноги были на месте, хотя затекли изрядно. Уже хорошо... Из-за приоткрытой двери слышался раздраженный голос Каракозо:

— А это меня не интересует; это твоя проблема. Захочешь — успеешь. Условия именно такие, как я сказал: через три часа я перезвоню и назначу место встречи. Нет — пеняй на себя. Что? А я буду разговаривать в таком тоне, в котором считаю нужным, милейший. Да, я знаю, что ты не привык... И что каюкер не из последних, мне тоже известно. Мне про тебя вообще известно многое: кто ты такой, твой телефон, адрес, кто твои родственники, где они живут и так далее. Я не запугиваю, я хочу, чтобы ты уяснил ситуацию... Да. Именно так. Кстати, учти: он нужен мне живым и здоровым; в каком виде мне его сдашь — в таком получишь свою подружку... Ну, всё, хватит болтать. Время пошло.

Брякнула брошенная на рычаги трубка. Адирроза попыталась шевельнуться — и обнаружила, что не может этого сделать. Тело девушки было надёжно зафиксировано в специальном кресле. Руки, ноги и талию охватывали прочные ремни; даже голову повернуть было невозможно — в виски упирались обтянутые войлоком фиксаторы. Послышались шаги. Бывший шеф Адиррозы, он же — бессменный директор «Веспа Крабро», одной из самых таинственных и зловещих организаций Вавилона, аккуратно прикрыл за собой дверь, уселся напротив пленницы и скорбно вздохнул.

— Если бы ты только знала, девочка, как ты меня огорчила!

— В самом деле? — Усилием воли сипапоккула заставила себя говорить спокойно, ледяным тоном. — Спасибо за букет, очень красивый. Жаль только, ваза разбилась.

— У нас был выбор: либо панцирник, либо несколько капель растительного алкалоида тебе в пищу. Я остановился на первом варианте: на мой взгляд, ты вполне заслуживала того, чтобы увидеть напоследок нечто красивое.

— Зачем вы так, шеф? — тихо спросила Адирроза.

— Потому что покинуть нашу организацию можно тремя способами: умереть от старости, умереть, исполняя свой долг, или... Просто умереть. Я пытался тебя предупредить, но ты, видно, совсем не понимаешь намёков. Кстати, если не секрет: как ты догадалась, что это ловушка?

— Запах... — Адирроза попыталась сесть удобнее, но ничего не получилось. — Эфир не до конца испарился, я почуяла странный запах и насторожилась.

— Этот Чырвен с его микофобией... — поморщился Каракозо. — Перестраховался, понимаешь! Ничего никому уже нельзя поручить. Всё приходится делать лично, да и то... — Он махнул рукой.

— Нельзя ли меня развязать? — осведомилась сипапоккула.

— Ну, это вряд ли! Ты же всё понимаешь, девочка: я не буду рисковать, оставаясь наедине с прекрасно обученной убийцей, зачем мне это!

— Позовите Таубе и Брауде, делов-то! — хмыкнула Адирроза.

— Увы! Оба нынче нетрудоспособны; я, конечно, очень надеюсь, что временно.

— Оба? — удивилась девушка.

— Да... Собственно, любой другой на их месте давно отправился бы на тот свет. Счастье, что у горри такие крепкие черепа; но бедняга Таубе до сих пор в коме, да и Брауде очень плох.

— Как это случилось? — полюбопытствовала Адирроза, затем взгляд её метнулся в угол. Клетка была пуста. — Где Фракомбрасс? Неужели?..

— Удрал прямо у меня из-под носа. В оправдание могу лишь сказать, что ему помогли, причём весьма оригинальным способом.

Сипапоккула улыбнулась, потом хихикнула и, наконец, расхохоталась во весь голос — несмотря на отчаянное положение, её распирало веселье.

— Да, можешь посмеяться над стариком. — Каракозо без улыбки смотрел на свою пленницу. — Я это заслужил, наверное.

— Извините... Шеф... Но это и впрямь смешно! Надо же, какой везучий засранец... Я-то думала, что уж если он попал в лапы наш... Вашей фирме, то больше не вырвется...

—К сожалению, это не так. — Каракозо придвинул свой стул вплотную к креслу. — Однако, думаю, тебе гораздо интереснее узнать собственную участь, а? Вообще ты молодец, хорошо держишься.

— Ну, если я до сих пор жива, значит, вы решили использовать меня в какой-то своей комбинации, — рассудительно промолвила Адирроза. — Верно? Я ведь знаю, как это обычно делается.

— Да, ты права. Если честно, я даже рад, что всё так получилось. В смысле, что ты осталась в живых. Теперь у нас есть реальный шанс обменять тебя на Фракомбрасса, девочка. Ты веришь в предопределённость судьбы? Я — нет, но такое впечатление, что ваши с Ёкарным Глазом пути переплелись в единое целое.

— Кто же предложил такую странную сделку? — удивилась сипапоккула.

— Это моя идея. Ты не совсем верно ставишь вопрос, душа моя: ключевое слово здесь не «кто», а «кому».

— И кому же?

— Одному из твоих знакомых, известному в определённых кругах под кличкой Громила. Собственно, с моей стороны это было жестом отчаяния; я бил наугад... Но, похоже, попал-таки в цель!

— Вы считаете, что за побегом стоял он? Но почему именно здесь и сейчас?.. В джунглях возможностей было куда больше!

— Об этом ты сможешь расспросить его лично. Я всего лишь хочу получить пирата обратно; у меня были некоторые основания полагать, что гориллоиду известно его нынешнее местонахождение. Так что я позвонил ему и предложил обмен.

— А что это за «основания»?

— Ну, например, я сильно подозреваю, что у твоего друга имеются связи с обезьянским подпольем.

— С подпольем? Вы имеете в виду все эти экстремистские организации?

— И это тоже... Нет, на самом деле ничего конкретного, иначе бы мы давно его взяли; впрочем, если сделка состоится, это будет означать, что я прав.

— Значит, обмен... А почему вы вообще решили, что я ему нужна?

— Из твоего собственного отчёта предельно ясно, что ты сдружилась с этой странной компанией. Логично было предположить, что симпатия возникла обоюдная...

— Ну и сволочь же вы! — процедила сквозь зубы Адирроза.

— Специфика работы, только и всего... Кстати, ты и сама поступала в точности так же; тебе это разонравилось, лишь когда дело коснулось твоей драгоценной персоны.

— Вы ведь не оставите меня в покое, верно? Если не сумеете пришить нас обоих во время обмена, то сделаете это потом. Что это будет, шеф: яд, выстрел одного из моих соплеменников или просто хороший удар дубинкой в тёмной подворотне?

Каракозо выразительно пожал плечами и вышел, аккуратно притворив за собой дверь. В комнате повисла ватная тишина; пробковые панели поглощали все звуки.

Сипапоккула тихонько шмыгнула носом, но тут же стиснула зубы. «Громила! Ты же хитрый! Пожалуйста, придумай что-нибудь! Ты обязательно подстрахуешься, я ведь знаю!»

* * *

Среди коротко знавших Громилу ходили самые разные истории о том, как именно мохнатый увалень стал грозным каюкером. Большинство склонялось к мнению, что гориллоида ещё в детстве взял на воспитание некий старый сенсей, обезьянский мастер каюкиндо, обучив секретным каюкерским приёмам. Сам Громила, стоило такому разговору возникнуть в его присутствии, только ухмылялся с таинственным видом, чем ещё больше убеждал приятелей в правоте этой версии.

Оставим дикий термин «каюкиндо» на совести придумавших его; тем не менее, определённая доля истины тут присутствовала. Предпенсионного возраста обезьянец, известный под прозвищем «дед Гамовер», действительно был в своё время наставником молодого гориллоида. Позже Громила превзошёл своего учителя практически во всём, однако полученные уроки глубоко врезались ему в память. «Выходя из дома — неважно, идёшь ли ты работать или просто за пивом в ближайший ларёк, первым делом проверь, не следит ли за тобой кто-нибудь, — учил Гамовер. — Возьми это за правило. Одним лишь предкам известно, сколько дел провалено из-за того, что всякие олухи вроде тебя были чересчур самонадеянны. Поэтому, прежде чем начнёшь действовать, позаботься о том, чтобы обрубить все хвосты».

Выйдя из парадной, обезьянец чисто по привычке бросил взгляд по сторонам, запоминая облик находившихся поблизости прохожих. Свернув за угол, он остановился, глядя в зеркальную витрину парикмахерской и поправляя взъерошенные волосы на макушке. Внезапно на противоположной стороне тротуара появилась фигура в неброском пончо — вроде бы, только что виденная. «Так-так», — оживился гориллоид, но не подал виду и неспешным шагом направился по улице. Спустя минуту в лохматой голове уже нарисовался план действий. Громила стал путать следы. Делал он это нарочито неуклюже, стараясь, чтобы преследователь не потерял его из виду, и вдруг резко свернул в тёмную подворотню. Он уже давно присмотрел это место: в стене здесь неизвестно для каких надобностей была сделана узкая и довольно глубокая ниша, более чем подходящая для того трюка, который он намеревался провернуть. Втиснувшись в неё, Громила затаил дыхание.

Шпик свернул под арку и замедлил шаги, давая глазам привыкнуть к полумраку. Огромная мохнатая лапа, в тот же миг сцапавшая его за шкирку, явилась для бедняги полнейшей неожиданностью: она словно выросла прямо из стены! Пойманный, безусловно, был профи: ему понадобилось всего мгновение, чтобы осознать случившееся, но Громиле хватило и этого. Он буквально впечатал свою добычу туда, где секунду назад прятался сам, и прижал к сырой кирпичной стене, лишив возможности двигаться.

— А ну, тихо, любезный! — проворчал каюкер, вплотную приблизив лицо и оскалившись: он знал, какой эффект это способно произвести. — Можешь не рыпаться, ты уже попался. Предупреждаю сразу: реакция у меня отменная, так что давай попробуем обойтись без глупостей, оки? Сейчас ты мне ответишь на пару вопросов; ну а если у тебя хватит безрассудства шевельнуться, узнаешь, что такое перелом шейных позвонков.

— Отпустите! Ради всех предков, деньги в бумажнике! — просипел пойманный.

— Не надо, не надо, — покачал головой Громила. — Не надо изображать из себя невинного прохожего. Времени у меня мало, поэтому сделаем так... — Он вдруг резко развернул шпика спиной к себе, вывернул ему руку и перехватил запястье. — За каждый неправильный ответ я буду ломать тебе один палец. Следовательно, у тебя будет десять попыток; ну, а потом травмы станут уже серьёзнее. Да, чуть не забыл: отвечать нужно быстро. Секунда промедления — пальцем меньше. Итак, слушай внимательно: вопрос первый. На кого ты работаешь?

Шея пойманного покрылась крупными каплями пота.

— Вы делаете ошибку... Громила чуть усилил нажим.

— А ты, похоже, из непонятливых, сынок...

— Ладно! Отпустите! Я скажу! Он не представился... А-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

—Я ведь предупреждал, — укоризненно покачал головой Громила. — Ну почему некоторые не перестают мухлевать даже на смертном одре? Вопрос тот же, дорогуша... А вот палец теперь другой.

— Его имя тебе всё равно ничего не скажет! — со слезами на глазах выкрикнула жертва.

— Но это тот, кто звонил мне и предлагал обмен?

— Да! Да! Отпусти, больно!

— Твоя задача? — жёстко спросил гориллоид.

— Проследить, куда ты пойдёшь!

— И только?

— Да! Клянусь! Только это! Пожалуйста... — Голос говорившего вдруг сорвался на пронзительный фальцет.

— Адрес!

— Горбатый переулок, дом четырнадцать, квартира сорок один!

— А не врёшь? Слушай внимательно, сынок: это очень важно. Как раз адрес я легко могу проверить, и если ты мне сейчас солгал, то лучше признайся сразу.

— Нет! Я сказал правду!

— Ладно... Тогда прогуляемся, — гориллоид рывком развернул шпика. — Правила будут следующие: идёшь рядом со мной, плечом к плечу. Оторвёшься хотя бы на шаг — каюк; попробуешь позвать на помощь или заговорить с кем-нибудь — каюк; любое твоё движение, не понятое мною, — каюк. Я доступно излагаю? А чтобы нам не было скучно во время этой прогулки, ты расскажешь мне, как дошёл до жизни такой, с кем работал, что знаешь обо мне и моих друзьях, ну, и так далее.

— Меня убьют...

— Нет, если будешь слушать меня. Кстати, учти: я прекрасно знаю, как можно оборвать речь на полуслове и заехать локтем под дых; я и сам так умею. Какое там соотношение силы у гориллоида и человека: то ли восемь, то ли десять к одному, верно? Береги себя...

Придерживая (из осторожности) свою добычу за локоть, Громила быстрым шагом направился в тот район Вавилона, который лояльные к антропоидной диаспоре горожане называли Манки-таун, а антиприматы — попросту «обезьянник».

Здесь прошло его детство; узкие переулки и низенькие глинобитные домики с пробивающейся вдоль стен чахлой травой вызывали к жизни ностальгические воспоминания. Наверное, поэтому гориллоид бывал тут нечасто; эти места навевали на него грусть, а грустить он не любил. Впрочем, сейчас было не до сантиментов. Шпик не предпринимал никаких попыток освободиться: он понимал, что это бесполезно. Помимо всего прочего, они уже достаточно углубились в обезьянский квартал, а человеку появляться здесь в одиночку было небезопасно. Кучки подростков-обезьянцев, о чём-то оживлённо беседующие в подворотнях, поминутно сплёвывая, при виде странной парочки замолкали и провожали их долгими внимательными взглядами, правда, заступить дорогу никто не решался. Встречные начали здороваться с Громилой: здесь его знали, по-видимому, многие. Гориллоид сбавил темп и брёл неторопливо, прогулочным шагом, не забывая, однако, приглядывать за своим пленником. Наконец Чырвен — а это был он — не выдержал и спросил:

— Куда мы идём?

— Да как тебе сказать... — задумчиво ответил Громила. — Ищем кое-кого. Так, значит, говоришь, снайперов у вас всего двое?

—Да, теперь, когда Адирроза отказалась на нас работать, осталось только двое. Оба сипапоккулы, так что попадают за сто шагов прямо в глаз. А один из них, Такери-Такери, специализируется по ночным стрельбам, на слух.

Чырвена одолевала болтливость; он пытался одёрнуть сам себя — и не мог. Наступила своего рода реакция на пережитый стресс: начав выдавать тайны своей организации, он уже не мог остановиться. Это было всё равно, что упасть с крутого склона: шпион чувствовал, что катится по наклонной плоскости всё быстрее и быстрее, не имея возможности остановиться, а впереди — обрыв... Громиле оставалось лишь задавать направляющие вопросы, и спустя полчаса он уже знал о «Веспа Крабро» практически то же, что и предатель.

— Думаешь, они попытаются устроить нам каюк?

— Тебе и девчонке — безусловно. Фракомбрасса шеф почему-то пытается заполучить живьём; наверное, он связывает с ним какие-то планы.

— Скажи-ка, парень... Ты понимаешь, что выболтал сейчас столько, что мы с тобой практически оказались в одном положении? И у нас лишь один шанс выжить — спалить это ваше осиное гнездо.

— Но это невозможно! Никто, кроме шефа, не знает, сколько народу работает на нашу организацию и чем они занимаются. Все нити у него в руках! Вы даже не представляете, какие люди здесь замазаны; сам мэр...

— Лучше поразмысли вслух, каковы, на твой взгляд, будут его дальнейшие действия. Я имею в виду не стратегию, а тактику. Давай-ка, займись экстраполяцией.

— Ну... Он назначит тебе встречу в глухом районе Бэби; наверняка заранее вышлет туда группу обеспечения...

— А ты знаешь, где именно?

— Да, он говорил... У дома номер тринадцать по улице Рваных Подмёток.

— Самая глушь... Сколько человек будет в группе обеспечения?

— Думаю, не менее шести-семи. Все вооружены короткими духовыми трубками и чем-нибудь метательным, что легко спрятать под одеждой. Снайперы, скорее всего, устроятся повыше — на чердаках или на лестничных площадках верхних этажей, по разные стороны улицы. Стрелять начнут по сигналу...

— Какова твоя роль в этом спектакле?

— Я должен был следить за тобой. Если спустя три часа ты всё ещё не вернёшься домой, мне следовало позвонить из ближайшего автомата и доложить, где ты находишься.

— А если вернусь?

— Ждать у подъезда и опять-таки позвонить, когда ты выйдешь из дому.

— Мой телефон прослушивается?

—Скорее всего, нет. План операции рождался буквально на ходу, у шефа просто не было времени задействовать много специалистов... Сипапоккулы и несколько агентов — это всё, что у него есть под рукой на данный момент. Было ещё два горри-телохранителя, но их вырубили.

— Ладненько, наши шансы не так уж плохи, как тебе кажется... Ага, — вот и те, кого мы искали.

Из очередной подворотни навстречу им вывернули четверо обезьянцев, в золотых цепях и ярких банданах, с ухмылками перегородив узкий переулок. Один из них, широкоплечий мускулистый шимп, выступил вперёд, небрежно подкидывая в ладони банан.

— Какие манки без охраны! — глумливо поприветствовал он Громилу. — Не ожидал тебя здесь встретить, да ещё в такой компании!

Чырвен нервно оглянулся. Кучка обезьянцев, только что громко обсуждавшая неподалеку последний футбольный матч, теперь рассредоточилась сзади, перекрывая пути к возможному отступлению.

—Здравствуй, Ча, — невозмутимо ответил гориллоид. — А я как раз тебя искал.

— Да ну?! — преувеличенно удивился шимп, разведя руками. — А я вот он, тут как тут! Повезло тебе, парень, просто несказанно повезло!

Остальные заржали.

— Ну, я тебя слушаю, дорогой! Как говорится, в оба уха! — В подтверждение своих слов обезьянец самым неприличным манером зажал банан между ног и приложил ладони к ушам наподобие раковин.

— Хочу предложить тебе и твоим парням одно небольшое дельце.

— Неужели?! И на сколько оно тянет, это твоё дельце? А то мы за бесплатно не работаем... Да ещё и должок за тобой, сам знаешь...

— С каких это пор я тебе должен, манки? — нагло усмехнулся Громила.

Чырвен невольно втянул голову в плечи.

—А, так ты уже забыл, маленький?! А это... — тут шимп широко раскрыл пасть и ткнул пальцем в золотой зуб, — а это что?! Помнишь, как ты мне его выбил?

— Сам виноват, — пожал плечами каюкер. — Нечего было лезть в мой бизнес.

— Ах вот как?

Шимп ощерился. Он что-то сделал с бананом, который только что вертел в руках. Пустая кожура полетела в сторону, однако вместо мягкой сердцевины в пальцах его оказалась длинная полупрозрачная обсидиановая пластинка, даже на вид дьявольски острая. Чырвен почувствовал, что стоявшие сзади подступили вплотную.

— Стоп! — воскликнул гориллоид, вскидывая ладонь в останавливающем жесте. — К чему ворошить старое, Ча? Мы, конечно, можем устроить драчку; может даже, вы меня одолеете. Но и я успею кое-кому башку свернуть, не сомневайся. Лучше послушай, что я предлагаю.

Шимп сплюнул:

— Говори.

— Для начала, вот что нужно мне: друзья этого типа... — он кивнул на Чырвена, — взяли в заложники одну мою хорошую знакомую. Взамен они хотят, чтобы я привёл им кое-кого. Я немного потолковал с этим парнем и понял, что они решили смухлевать.

— Кто же им нужен?

— Один обезьянец, ты с ним незнаком. Я помог организовать его побег, но эти парни сели мне на хвост.

— Я-то думал, ты занимаешься каюкингом, — усмехнулся шимп.

— Я, как ты: занимаюсь всем, за что хорошо платят, — парировал Громила.

— А этот, с которым ты пришел, очень им дорог? — вкрадчиво осведомился один из приятелей Ча.

— К сожалению, нет; иначе на кой бы вы мне сдались? Ты же знаешь, как обстряпываются такого рода делишки: он просто шестёрка...

— Так чего ты хочешь от нас?

Громила пустился в объяснения; и чем дольше он говорил, тем больше Чырвен убеждался, что шеф наконец-то столкнулся с достойным противником.

—Ну ты и фрукт! — усмехнулся Ча, когда гориллоид закончил. — Горазд чужими руками жар загребать! А теперь самое главное: что мы с этого поимеем, а?

— Скажи, пиратская карта тебя устроит, дорогуша? — вкрадчиво спросил Громила. — Настоящая пиратская карта, смекаешь, о чём я?

— Я что, похож на идиота?

— Вообще-то, раз уж ты об этом спросил... — начал было Громила, но тут же оборвал сам себя. — Ну, а если хозяин карты подтвердит её подлинность?

— Хозяин? — издевательски засмеялся шимп. — Что ещё за хозяин? Может, сам Ёкарный Глаз?

— Вот именно — сам. Лично. — Громила внимательно посмотрел шимпу в глаза.

— Ну-ну... Э, постой, ты это что — всерьёз?!

— Угу. Ты ещё не понял, Ча, почему меня больше не интересуют дела Манки-тауна? Думаешь, я тогда испугался твоих угроз? Ошибаешься, парень, угрозы меня не волнуют, ни твои, ни чьи-либо ещё. Если бы я захотел, то заправлял бы здесь всем бизнесом, так-то!

— А с чего это вдруг Ёкарный Глаз сообщит нам, где сокровища? — подозрительно осведомился один из пиратов.

— Я разве сказал вам, что он сообщит что-то? — удивился гориллоид. — Он всего лишь подтвердит подлинность карты. Вообще всё, что я могу вам гарантировать, так это то, что база их действительно находится там, где отмечена. Остальное уже меня не касается; но я бы на вашем месте не стал упускать такой шанс.

— Ты только подумай, Ча, сколько они всего награбили за долгие годы! — возбуждённо зашептал один из шимпов.

— Не шелести... Думаешь, я тебе поверю? — Ча, склонив голову набок, рассматривал Громилу, словно какую-то диковину.

— Дело твоё, — пожал плечами гориллоид. — Но ты знаешь мою репутацию — я никогда не обманываю.

— Да, но ты никогда не говоришь всей правды... — Ча задумался.

В глазах его приятелей читалась теперь неприкрытая алчность; они возбуждённо подталкивали друг друга локтями.

— По рукам! — решился наконец шимп. — Баш на баш: девчонка на карту; кроме того, ты устраиваешь мне встречу с пиратом.

— Встречу я тебе устрою сразу же после того, как мы провернём это дельце.

— Оки. Но учти, если обманешь... — Шимп выразительно покрутил в пальцах осколок обсидиана.

— Не обману. А чтобы у тебя и твоих парней не было сомнений... — тут Громила полез в задний карман шорт и вытащил карту. Не успел никто моргнуть, как гориллоид разорвал её надвое. — Предоплата, — ухмыльнулся он, протягивая половину Ча. — Остальное получишь после того, как сделаем дело.

— Что теперь? — спросил Чырвен, когда они наконец покинули трущобы.

Гориллоид ухмыльнулся.

— А теперь всё по плану: мы возвращаемся, ты звонишь этому Каракозо и докладываешь, что я пару часов бесцельно болтался по улицам, а потом вернулся домой.

* * *

Иннот молча рассматривал неподвижно парящий в воздухе костяной шарик. Сомнений не было, всё совпадало: и размеры, и стиль резьбы — практически такой же, только другого цвета талисман прятался сейчас в шевелюре каюкера. Иннот невольно провёл рукой по волосам. Иерофант истолковал это по-своему:

— Да, это и в самом деле кажется невозможным: сосредоточие столь великой силы в нескольких кубических сантиметрах пространства. Круто ведь, верно? Иннот кивнул.

— Круто... Это, как я понимаю, белая волшебная палочка?

— Да.

— И она даёт власть над живой материей?

— Верно.

— Значит, похищена была черная?

— Разве я не сказал этого?

— Чаква стырил её после того, как ты вскрыл подземные реки?

—Ну разумеется, *после!*

«Ничего не понимаю, — подумал Иннот. — Наводнение началось не так давно; а Подметала...»

— Когда это случилось?

— Три месяца назад... А почему ты спрашиваешь?

— Постой, иерофант, постой... Ерунда какая-то получается. Подметала, в смысле, Чаква Шамполамо, в Бэбилоне уже... По меньшей мере, лет пятнадцать или даже больше.

— Значит, это не тот Шамполамо, — нахмурился иерофант. — Хотя сие странно.

— Очень узкое лицо, голубые глаза, кожа смуглая, тонкие губы, высокий...

— Да.

— У него мощная аура, как у волшебника...

— Верно. А почему ты назвал его Подметалой?

— Потому что в городе он известен под этим прозвищем... Но ведь это никак не может быть один и тот же типус?

— Думаю, тебе стоит поведать о встрече с ним подробнее.

—Вообще-то это довольно долгая история. Началось всё в конце прошлого сезона дождей…

Иннот принялся рассказывать; сначала старец слушал молча, потом стал задавать вопросы, настаивая, чтобы каюкер припомнил мельчайшие детали всех еговстреч с Шамполамо, начиная с самой первой, и особенно — поединок на университетской крыше.

— Ничего не понимаю, — наконец признался он. — Твой рассказ в точности описывает внешность и манеры адепта — за исключением, разве что, такой детали, как возраст. Моему Чакве было двадцать два года, а твоему, как ты сказал, лет тридцать пять-сорок... Вот что, с налёту эту задачку не решить, а меня ждут дела. Сделаем так: сейчас я попытаюсь объяснить тебе дорогу на север, а вечером мы вернёмся к вопросу о похитителе. Я знаю, что ты торопишься, но всё же прошу тебя задержаться, пока мы не разгадаем эту загадку: мне почему-то кажется, что сие немаловажно.

Этот день выдался ветреным. По небу неслись рваные облака; несколько раз принимался хлестать дождь, но скоро переставал. Некоторое время Иннот провёл в климатологической, запоминая малейшие изгибы местности: макет был исполнен с поразительной точностью. Даже стол, на котором он стоял, был чудом инженерного искусства: иерофант обратил внимание каюкера на несколько десятков маленьких бронзовых кранов, снабженных манометрами, которые располагались по всему периметру столешницы. «С их помощью мы можем менять скорость течения наших рек, осушать одни и наполнять водой другие».

Постаравшись накрепко запечатлеть в памяти карту, каюкер отправился в библиотеку и засел за книги и свитки, пытаясь хоть что-нибудь разузнать о краях, лежащих к северу от Туманного хребта. Постепенно в его голове начал зреть другой план — ещё более сумасшедший, чем прежде, однако же казавшийся куда более соблазнительным.

— Иерофант ожидает тебя в зале Интеллектуальных Штурмов и Поединков, чужеземец! — Запыхавшийся Абака вихрем ворвался в библиотеку.

— Ладно. — Иннот со вздохом встал. — Веди, прозелит. Всё равно я в этой вашей башне не ориентируюсь.

«Зал — это, пожалуй, громко сказано», — подумал каюкер, когда створки дверей перед ним раздвинулись. Комната была немного просторнее кельи, в которой он спал, и к тому же абсолютно пустой. Знаком отпустив Абаку, иерофант отошёл к стене и величаво повёл рукой. Участок пола с тихим гудением раздвинулся, и вверх полез небольшой стол самого что ни на есть затрапезного вида — с клетчатой рваной клеёнкой. Следом появились колченогие табуреты с вытертыми до блеска сиденьями и следами многочисленных покрасок.

— А что, без этого выпендрёжа нельзя было обойтись? — с некоторым ехидством спросил каюкер. — Сенсорные выключатели, между прочим, продаются в Бэбилоне уже предки знают сколько лет, так что этим никого особо не удивишь.

— Прежде всего, так удобно, — пожал плечами старец. — Это место создано специально для концентрации умственных усилий и полёта фантазии; здесь всё создаёт определённый настрой... Соответствующая обстановка — это ключ, понимаешь?

Комната между тем продолжала меняться. Белый пластик стен сменился вытертыми и выцветшими, а кое-где и откровенно драными обоями; полусфера светильника погасла и втянулась в потолок, а вместо неё появилась голая электрическая лампочка на длинном шнуре — слабосильная, едва на сорок свечей. В углу обозначилась чугунная мойка с обколотой эмалью и подтекающим краном.

Иерофант со вздохом наклонился, пошарил рукой под столом и извлёк на свет литровую узкогорлую бутыль, заткнутую свёрнутой в жгут газетой. За зелёным стеклом плескалась мутная жидкость.

— О! — оживился Иннот. — Вот его-то, родимого, нам и не хватало для понимания ситуации! Из чего гоните?

— Из горной агавы. — Иерофант пригладил бороду и достал два гранёных стакана.

— Э! Да там червяк внутри! — пригляделся Иннот.

—Не отвлекайся. Это правильный червяк, он там и должен быть... Тебе сколько?

— По рубчик, как положено... — несколько рассеянно произнёс каюкер.

— Соображаешь! — Иерофант нацедил жидкость в стаканы. — Ну, будем! Да низойдёт на нас мудрость змия!

Несколько минут прошло в молчании.

— Хорошая штука, — оценил каюкер. — В теле появляется этакая приятная лёгкость...

— Мозг, главное, чтобы мозг прояснился. — Старец достал из-под стола банку солёных огурцов. — Это на потом, — предупредил он. — Ежели совсем по правилам, то полагается дольку лимона посолить и на язык; но лимоны у нас закончились... Да и вообще: после первой не закусываем, понял? Попытайся-ка ещё раз припомнить облик Шамполамо. В мельчайших подробностях, если можешь: веснушки, родимые пятна...

— Ничего этого, насколько я помню, у него нет. Кроме того, его одежда словно нарочно имеет такой фасон, чтобы скрывать особенности облика. Широкополая шляпа бросает тень на всё лицо, балахон просторный... Но он, безусловно, худощав.

— А руки? Он ведь не носит перчаток?

— Нет, не носит... — Иннот сосредоточился.

Пожалуй, он обратил внимание на кисти рук Подметалы только один раз: в харчевне «Жареная картошка форева». Помнится, ухайдакер тогда заказал виски; вот он берёт стакан, подносит его ко рту...

— Кисти рук у него загорелые; пальцы тонкие, но сильные... Что ещё? Вроде бы маленький белый шрам на тыльной стороне ладони, напротив безымянного пальца...

— На какой руке?

— Э-э... На левой? Да, точно, на левой.

— Достаточно. — Иерофант глубоко вздохнул. — Это он, сомнений быть не может.

— А шрам откуда? Постой, дай-ка угадаю: он в своей гордыне вызвал на бой одного из корифеев...

— Нет, он порезался во время дежурства по кухне, открывая консервную банку.

— Ну вот, только я начал проникаться романтическим духом! — огорчился каюкер. — Но каким образом я мог видеть его полгода назад? Слушай, а может, у него есть брат-близнец?

— Нет у него никакого брата...

— Тогда, может, двойник?

— Двойник, который выглядит лет на двадцать старше, но с таким же шрамом на руке? Да зачем всё это, вразуми меня предки?!

— Стоп! Я вспомнил! — Иннот вскочил и возбуждённо забегал туда-сюда по комнате. — Наш разговор! Он сказал мне, что устроил каюк настоящему Подметале, в смысле, тому, который положил начало легенде, семнадцать лет назад! А ты сказал, будто ему двадцать два! Если прибавить семнадцать к двадцати двум, будет тридцать девять!

— И что?

— А то, что это вполне может быть его истинным возрастом: он и выглядит лет на тридцать пять — сорок!

— Не понимаю твоей мысли, чужеземец.

— Я тоже не понимаю... Просто странно совпали цифры. — Иннот снова уселся на свой табурет.

Возбуждение оставило его; он и сам не понимал, с чего вдруг так разошёлся. Краешек догадки мелькнул и спрятался, словно солнечный луч в облаках.

— Может, мы не с той стороны заходим? — спросил через некоторое время каюкер. — Может, всё дело в этой самой волшебной палочке? Скажи-ка мне такую вещь: для сокровищницы та комнатуха не слишком-то хорошо охраняется...

— Не делай поспешных выводов, — погрозил ему пальцем иерофант. — То, что я легко туда вошёл, не означает, что это может сделать каждый.

— А кто?

—Только я либо корифеи. Сенсоры некоторых дверей настроены селективно... В смысле, реагируют на определённый рисунок ауры.

— А отключить их что, нельзя?

— Можно... Собственно, Чаква так и поступил; причём после кражи восстановил всё, как было.

— Есть ли смысл возиться с такой сложной техникой, если не имеешь представления, что крадёшь?

Старец крякнул.

— Да, план у него, безусловно, имелся. Если помнишь, я сказал, что кража обнаружилась далеко не сразу. Этот мерзавец не просто похитил артефакт — нет, он подменил его! Не зря возникло это увлечение резьбой по дереву; думаю, он готовился к похищению уже тогда. Вытачивал подделку... Возможно, и попытка стать корифеем была лишь частью его коварных замыслов.

— Но что подвигло его на это? Может, он всё-таки нашёл способ воспользоваться заключённой в палочке магией?

— В таком случае, он должен быть умнее меня, — сказал иерофант, наливая по новой. — А этого просто не может быть: я старше его на два звания.

— Гм... Но он, возможно, не умнее, а хитрее. — Иннот вытер выступившие на глазах слёзы и со стуком поставил опустевший стакан. — Это ведь разные вещи. Ты понимаешь, о чём я?

— Да ты пойми: как только неспециалист активизирует эту штуковину, то либо моментально отключится и впадёт в кому, либо станет полным идиотом — она попросту выжжет ему все мозги.

Иннот потянулся к банке, достал огурец и захрустел им.

— Ну давай предположим на минутку, что ему это удалось. Что он тогда способен сделать?

—Гм... Да всё что угодно. Палочка наделяет практически неограниченной властью; более того, ты моментально предвидишь полсессвия... То есть последствия— каждого возможного действия. Стоит тебе только помыслить о нем, как ты... Ик! Моментально понимаешь, что

изменится в структуре мира. Поэтому-то ею и нельзя пользоваться: ни один человек не может видеть и понимать ВСЁ. Даже Великим Магам это под силу лишь очень короткое время.

— Да ты постой... Погоди... Я вот о чём спрашиваю: что он сам хотел? В смысле, Шамполамо?

— Ну... Я бы сказал, что его всегда привлекала власть.

— Власть? Не деньги, не материальные эти самые... блага, а именно власть?

— Да, причём власть реальная и анонимная, понимаешь, нет? Без недостатков публичности... Он хотел быть вершителем судеб, безликим и неумолимым!

— То есть, фактически, Великим Магом?

— В точку! — Палец иерофанта упёрся в грудь Ин-нота. — Наливай ещё.

— А это возможно? — каюкер перевернул бутыль и потряс её, вытряхивая последние капли.

— Чисто теоретически — нет... Но иногда, говорят, случается, — иерофант придирчиво осмотрел огурец и надкусил его кончик, — иначе откуда бы они брались, в самом деле?

— А палочка...

— Далась тебе эта палочка! Я ещё раз объясняю: человек... Ею... Воспользоваться... Эможет... В смысле, не может... Ну сам посуди: на кой всяким придуркам власть над пространством и временем, а?

Иннот схватил со стола банку и опрокинул её себе в рот, глотая рассол.

— Ух!!! Вот мы и дошли до точки, парень. То-то я смотрю, мне всё время эта история с возрастом покоя не даёт... Говоришь, временем тоже можно повелевать? С помощью палочки?

— Ну... С такими вещами шутить жутко опасно, и сам я никогда не прыб... не пробовал, как ты понимаешь... Но вообще время — это всего лишь одна из функций пространства и тоже поддаётся манипуляции... Или что-то в этом роде. Э... А шо такоэ?

— Ты вот что, давай-ка тоже рассольчику, по-моему, мы малость перебрали. Забористое пойло, однако... — Иннот закрыл глаза и сосредоточился. — Смотри, что получается: три месяца назад Чаква Шамполамо бежит из монастыря в Вавилон, прихватив волшебную палочку. Там он каким-то образом активизирует её и перемещается в прошлое! То есть он оказывается в Вавилоне семнадцатилетней давности в возрасте двадцати двух лет, и с тех пор стареет, как и любой другой... И сейчас ему тридцать девять! Всё сходится, иерофант! Ты как вообще, понимаешь, о чём я?

— Аэтхр-р... Ан-на кой?

— Не знаю. Но он обладает реальной анонимной властью, в точности, как ты и сказал: это власть над жизнью практически любого человека в Бэби. Не знаю, зачем ему это понадобилось, но если... Если его мечтой было стоять за сценой и дёргать ниточки, на которых мы все танцуем... Великие предки, ну я набрался! Да, если такова была его цель, он её достиг! Он стал живой легендой, неуловимой тенью, крадущейся в сумраке по крышам Аппер Бэби; он ухайдакер-призрак! Эй! Иерофант! — Иннот запустил непослушную руку в волосы. — Смотри, какая у меня фенечка есть! — Пальцы почему-то гнулись плохо, и он добрых пять минут распутывал пряди.

Старец медленно сфокусировал взгляд на чёрной голове демона. Видно было, что он пытается протрезветь усилием воли, но зелёный змий легко задушил этот порыв.

— Чужеземец! Как там тебя? Енот? Ик! Ин-нот, во! Ну-ка — стоять, бояться! Отвечай, как на духу: откуда у тебя наш прибамбас?

— Девушка хорошая подарила. — Инноту всё труднее становилось справляться с опьянением; организм не успевал расщеплять алкоголь. — А она купила в какой-то аттинк... Антинк... Антикварной лавке.

Язык казался неповоротливым и толстым, как сарделька.

— Это... Знаешь, шо я тебе скажу?

— Н-нет, — честно ответил Иннот, пытаясь свести воедино раздваивающийся мир.

Иерофант некоторое время озадаченно молчал, ловя ускользнувшую мысль.

— А! Это... Слушай сюда. Ты... — Старец икнул. — Ты... С-сейчас... Сделал большое и доброе дело, вернув в башню талисман огромной мощи...

Он снова сбился с мысли и замолк, озадаченно глядя на собеседника. Каюкер усилием воли развёл съезжающиеся в кучку глаза.

— Э?

— Большое и доброе дело, — продолжал иерофант. — Поэтому я... Я, поэл? От яйца... То есть от лица коллегии корифеев, предлагаю тебе... Короче... Проси, чё хошь!

— Ну, это... Мне бы до кореша моего побыстрее добраться... — Однако, произнося эти слова, Иннот не больно-то верил в то, что метеорологи способны ему помочь.

— Слушай, друг... Френд! Амиго! Вот ты... Только как на духу: тебе правда надо?

Каюкер, не мигая, уставился в налитые кровью глаза иерофанта.

— Ты понимаешь... Предчувствия у меня больно тяжёлые. Чем скорее я окажусь рядом с ним, тем лучше.

Верховный Метеоролог выставил ладонь.

— Ни слова больше! Пссст! Я сказал... Моё слово — ууу! Ни разу, короче... Завтра, поэл? Завтра мы тебя пошлём... — Тут наконец организм иерофанта не выдержал и сдался.

Старец мягко ткнулся лицом в стол и захрапел.

— Закуси мало, — глубокомысленно произнёс Иннот. — Вот она, извечная беда технической интеллигенции: всегда кажется, что надо добавить выпивки, в то время как добавлять следует закусь. Иерофант! Ты слышишь? Мардух! Э-э... — Иннот огорчённо вздохнул, глядя на спящего, и вновь потянулся за огурцом. — Жаль, вы тут все вегетарианцы. Я бы сейчас сальца с чесночком навернул бы... Колбаски копчёненькой...

Глава 5

Шаман кипадачи застонал сквозь зубы и вцепился пальцами в кучерявую шевелюру. Эти два идиота снова попались ведьме в лапы! И что хуже всего, именно тогда, когда им в руки вернулась наконец Книга! Стоит только инфернальной старухе понять, что оказалось у неё в руках... Склянка с зельем, позволяющим духу освободиться от оков тела, повалилась от неосторожного движения прямо в костёр. Клубы едко пахнущего пара с пронзительным шипением заполнили всё вокруг. Чихая и вытирая слезящиеся глаза, шаман на четвереньках вылез из хижины. Свежий воздух привёл его в чувство. Неподалёку перестукивались тамтамы: молодые охотники вернулись с богатой добычей, и праздничная шумиха ещё не успела утихнуть. Мне бы ваши заботы, подумал шаман. Выследить и убить зверя, завоевать сердце какой-нибудь красотки, одолеть в поединке врага... И не знать больше ничего, и быть счастливым. Отойти со спокойной душой к предкам, когда пробьёт час...

Господин Повелитель Погоды последнее время занят... Тучи призраков кружатся в незримом хороводе вокруг башни. Великие Силы чем-то встревожены... Вряд ли ему удастся выйти на связь. Некогда, давным-давно, Повелитель Погоды дал шаману кипадачи очень хороший совет. «Если ты не знаешь, как поступить, — изрёк он, — а башня молчит, то просто подумай: какой совет я мог бы дать? И поступай соответственно».

— Значит... — прошептал шаман, запрокинув голову и уставившись невидящим взглядом в лунный диск, — надо мне самому отправляться туда. Вот ведь какая фигня получается.

* * *

Сипапоккулы по натуре своей — существа любопытные и непоседливые. Кроме того, как и большинство лесных куки, они и знать не хотят о том, что такое дисциплина. О'Да и Такери-Такери не составляли исключения. К назначенному сроку оба, как всегда, опоздали. Старший агент презрительно поморщился: от снайперов ощутимо попахивало спиртным. Если бы не тот факт, что лучших стрелков просто не существовало в природе, их и близко не следовало бы подпускать к нашим операциям, мрачно подумал он. Не раз уже из-за этой беспечности и расхлябанности всё оказывалось на грани провала...

— Что новенького, шеф? — развязно спросил Такери-Такери, непринуждённо развалившись в кресле для посетителей. — Кому мы будем делать каюк на этот раз?

— Да, действительно! Слушайте, шеф, до сих пор все задания были очень лёгкими. Надеюсь, на этот раз дельце интересное?

— Очень интересное, мои дорогие! — Каракозо был само радушие; лишь те немногие, кто знал его достаточно хорошо, могли заметить, что он находится в последнем градусе ярости. — Нам предстоит отправить к предкам предателя и захватить опасного преступника. Как, не самая простая задачка?

— Ну, это смотря по обстоятельствам... — начал было О'Да, но Такери-Такери тут же его перебил:

— А кто предатель-то?

— Ваша соплеменница, вот кто. Адирроза.

— Адиррозка?! Ты что, предлагаешь нам подстрелить девчонку? Да чего она такого натворила?

— Я, кажется, ясно сказал: она предательница! — рявкнул вдруг Каракозо. — И я вам ничего не «предлагаю». Я приказываю!

—Хорошо, хорошо, мы же не отказываемся, —пожал плечами Такери-Такери. — Просто дело в том... Ну, она же всё-таки наша соплеменница...

— И что? — Шеф кинул быстрый взгляд на старшего группы обеспечения.

Тот подобрался. Если дело дойдёт до рукопашной схватки, он уложит обоих мозгляков в два счёта. Лишь бы никто из них не успел выхватить духовушку... Длинные ружья сипапоккул были зачехлены, но он не сомневался, что у обоих припрятана в одежде ещё пара-другая коротких трубок.

— Мой кузен имеет в виду надбавку за риск. — О'Да улыбнулся, показав крупные, как у белки, резцы. — Иметь дело с кем-то равного с нами мастерства, — это, знаете...

— Но ведь вы только что жаловались на то, что задания чересчур лёгкие. — Лицо Каракозо передёрнул нервный тик.

Казалось, он готов был схватить со стола что-нибудь тяжёлое и запустить нахалу в голову.

— Мы вовсе не против трудностей! — оживился Такери-Такери. — Мы просто хотим, чтобы это хорошо оплачивалось, верно?

— О, да — это справедливо! — выдал О'Да любимую присказку, за которую, как подозревал шеф, и получил своё имечко.

— Если всё пройдёт гладко, я выпишу вам обоим премию.

— Ну вот, это другое дело! Это нам нравится, верно, Таки?

— А то!

— Может, вы всё же ненадолго заткнётесь и послушаете, по каким целям вам предстоит работать?! — проскрежетал Каракозо.

— Всё, молчим! Мы оба — само внимание, шеф!

Улыбка застыла на лице Каракозо, словно приклеенная; старший группы обеспечения подумал, что никогда еще не видел своего начальника в таком состоянии. Наконец тому удалось совладать с обуревающими его эмоциями и начать инструктаж. Чем дольше спецагент слушал, тем меньше вся эта история ему нравилась. В отличие от большинства операций, в которых ему приходилось принимать участие, ни о каком «точечном воздействии» говорить не приходилось. Больше всего это напоминало зачистку, грязную и грубую, — если не мафиозную разборку. Отправить к предкам предстояло всех, кто окажется поблизости, кроме Изенгрима Фракомбрасса. Его шеф приказал взять живьём во что бы то ни стало.

— Всё ясно? — Каракозо глянул на часы. — Вопросы есть?

— Выбор позиции — на наше усмотрение? — спросил Такери-Такери.

— Да. Главное, чтобы вся улица простреливалась.

— Сделаем...

Зазвонил телефон. Шеф коршуном метнулся к трубке.

— Алло? Когда, только что? Отлично... Замечательно. Оставайся там; позвонишь мне, когда он выйдет.

Спустя пятнадцать минут из подъезда дома номер четырнадцать по Горбатому переулку вышли несколько человек и растворились в толпе.

— И всё-таки мне не нравится, что Адиррозу придётся прикончить.

— Нам за это платят, — напомнил Такери-Такери.

— Да, но...

Оба сипапоккула брели по улочкам, изображая из себя рыболовов, каких часто можно встретить на берегах Вавилонских каналов: длинные трубки духовых ружей, упрятанные в брезентовые чехлы, вполне походили на удочки.

—Скажи, а если бы шеф приказал устроить каюк*мне?*

—О, только за очень высокую плату! — Такери-Такери пригладил свои пышные усы. — Не меньше тройной ставки, никак не меньше! Я надеюсь, ты тоже оценил бы мою шкуру достаточно высоко?

—О, да! Безусловно!

— Этим-то мы, профессионалы, и отличаемся от прочих. Мы работаем за большие деньги, но очень качественно.

— Верно. Кстати, в такой жаркий день кружечка-другая пивка вряд ли скажется на нашей меткости, верно?

— Гм... Время, конечно, ещё есть, но если шеф узнает, он будет очень недоволен.

О'Да украдкой оглянулся. Знакомых лиц поблизости не было.

— Не думаю, что... Эй! Полегче!

Компания обезьянцев-шимпов, о чём-то весело болтавшая всего несколько мгновений назад за спиной сипапоккул, вдруг окружила их со всех сторон. Такери-Такери, первым заподозрив неладное, потянулся было за духовой трубкой, но несколько цепких конечностей в тот же миг вцепились ему в руки и ноги, лишив всякой возможности двигаться.

— Тихо, тихо! — Обезьянец широко улыбнулся, демонстрируя великолепные зубы. — Мы ничего вам не сделаем, более того — угостим выпивкой. Вы ведь хотели выпить, верно?

— Вы кто такие?! Эй, моя шляпа! — завопил О'Да. Изящная охотничья шляпа с перышком дятла, предмет гордости сипапоккула, в суете была сброшена на асфальт. Один из шимпов поднял её, отряхнул о колено и нахлобучил на уши донельзя возмущённому снайперу.

— Держи, улыба! И пусть никто не говорит, что обезьянцы — народ невежливый!

Весело галдящая компания затащила отчаянно сопротивляющихся сипапоккул в один из многочисленных погребков.

—Рому, хозяин! — громогласно потребовал шимп в яркой бандане. — Самого крепкого, который только у тебя есть! Моих друзей мучает жажда, и водой её не унять!

Едва требуемое появилось на столике, О'Да перестал сопротивляться и начал принюхиваться. Такери-Такери яростно фыркал рядом.

— Выбор у тебя простой, — прошептали ему на ухо. — Либо ты выпиваешь сам, либо мы заливаем тебе это в глотку. Эффект будет тот же, а удовольствия — гораздо меньше.

— Твой приятель, как видишь, сделал правильный выбор... Вот так, молодец. Эй, хозяин, ещё парочку!

Минут через двадцать обезьянцы вдруг всей гурьбой снялись с места и поспешно покинули погребок. За столиком остались только два сипапоккулы — сильно помятые и изрядно окосевшие.

— О'Да, ч... Что это было?

— Э-э... Может, у них праздник какой-то? — предположил О'Да, никогда не отличавшийся особой сообразительностью. — Вот они и развлекаются...

Такери-Такери попытался встать. Ноги разъезжались; пол плавно покачивался. В довершение всего кругом было слишком много углов — они размножались буквально в геометрической прогрессии. Несколько раз больно стукнувшись обо что-то, Такери-Такери всё же ухитрился выбраться на улицу; придерживаясь одной рукой за стену, чтобы не упасть, он неуверенными шагами двинулся вдоль по улице.

— Я профессионал, — бормотал он. — А профессионалы никогда не сдаются.

Каракозо, сопровождающий вместе с двумя переодетыми в форму стражи агентами связанную по рукам и ногам Адиррозу, приближался к месту рандеву. Судя по словам Чырвена, большой парень был полностью деморализован. Так-то, усмехнулся про себя шеф. Одно дело — играть во всякие рисковые игры с незнакомцами, и совсем другое — когда в дело оказывается замешан кто-то близкий тебе. И всё же подстраховаться не мешает. Именно поэтому он назначил встречу в одном из самых глухих переулков Бэби. Обитатели таких трущоб нелюбопытны и умеют держать язык за зубами.

В нужном месте он остановился. На стене дома красовалась неряшливо выведенная чёрной краской цифра «13». Каракозо мрачно ухмыльнулся. Несчастливое число... Если этот Громила ещё и суеверен, ко всему прочему, это его окончательно добьёт.

Мимо прошмыгнул один из спецагентов, на ходу выразительно показав глазами в глубь переулка и подняв два пальца. Ага, идут...

Громила не торопился. Он тащился вперевалочку, положив огромную ладонь на плечо закованного в кандалы Фракомбрасса. Пират угрюмо пялился в землю, чего нельзя было сказать о гориллоиде. Тот отнюдь не выглядел подавленным, наоборот — довольно ухмылялся, даже помахал издалека, приветствуя их. У Каракозо в душе внезапно зашевелились мрачные предчувствия.

— Здравствуй, Адирроза! — радостно поздоровался с приятельницей Громила, останавливаясь в нескольких шагах. — Тебе что, заклеили рот? Какое варварство! Послушай-ка, господин хороший, мог бы с девушкой и поаккуратнее обращаться!

Фракомбрасс при виде связанной сипапоккулы злорадно ощерился.

— Не спеши. — Каракозо сделал шаг вперёд и придирчиво оглядел пирата.

Тот презрительно сплюнул ему под ноги.

— Ну что, меняемся? — нетерпеливо спросил Громила. — Мне — моё, тебе — твоё. Баш на баш, что получишь, то отдашь.

— Хорошо...

Повинуясь знаку, один из спецагентов вытолкнул Девушку вперёд. Гориллоид ловко поймал её в объятия, отпустив наконец плечо Фракомбрасса, и одним движением сорвал заклеивающий рот пластырь.

— Гро, это наверняка ловушка! — хрипло выпалила Адирроза. — Они хотят нас убить!

— Я знаю, — невозмутимо ответил Громила. Каракозо вытащил из кармана носовой платок и вытер лоб. По этому сигналу сипапоккулы должны были двумя выстрелами уложить предательницу и гориллоида.

Ничего не произошло.

Он опять промокнул лоб.

— Вспотел? — участливо спросил Громила. — Странно, странно... Денек-то не из жарких!

Один из спецагентов (другой держал Фракомбрасса) шагнул вперёд, запуская руку под пончо; но тут Ёкарный Глаз вступил наконец в дело. Тяжёлая прочная цепь, соединяющая браслеты кандалов на руках и ногах обезьянца, вдруг распалась на четыре куска. В каждой конечности у пирата очутился обрывок длиной примерно в локоть, и все они пришли в движение. Стоявший рядом агент ничего не успел понять: на него внезапно обрушился град ударов. Напарник стремительно выхватил духовую трубку и поднёс её к губам, но выстрелить не успел — гориллоид, руки которого были гораздо длиннее, чем у человека (о чём спецагент опрометчиво позабыл), сделал полшага вперёд и изо всех сил хлопнул ладонями ему по ушам. Незадачливый стрелок рухнул на тротуар, словно куча тряпья. Всё это произошло в течение двух секунд: побледневший, словно мел, Каракозо внезапно оказался один на один со своими врагами.

— Взять их! — взвизгнул он на всю улицу. — Стреляйте!

Крышки нескольких стоявших неподалёку мусорных бачков откинулись. Донельзя разозлённые местом своего последнего пребывания агенты выскочили оттуда, все в ошмётках мусора, ринулись было на Громилу и Фракомбрасса... И застыли, ослеплённые десятками пробивших тёмные окна ближайших домов вспышек. Пустынная улица внезапно ожила: из подъездов высыпала галдящая толпа народу с фотоаппаратами, микрофонами и блокнотами. Вспышки сверкали не переставая.

— Эт-то ещё что такое?! — рявкнул Каракозо.

— Это? О, извини, я совсем забыл представить тебе моих друзей, — ухмыльнулся Громила. — Это репортёры. Вон тот маленький толстый парень в пёстром пончо ведёт колонку криминальной хроники в «Вечернем Бэбилоне», а тот высокий худой — из «Обезьянских известий», ну а остальных я, честно говоря, даже не знаю. Да, чуть не забыл: видишь на балконе бородатый мужик с камерой и девица с софитом? Это телевизионщики. Улыбнись им, если

хочешь. Ты теперь суперзвезда, любезный: наконец-то шеф таинственной и ужасной «Веспа Крабро» показался нам воочию! Твоё лицо увидят миллионы!

На Каракозо было страшно смотреть. Его прошиб пот; благообразный венчик седых волос вокруг розовой лысины слипся неопрятными прядями; в груди хрипело. Фракомбрасс нагло ухмылялся, поигрывая цепью и показывая украдкой пальцами ноги кукиш.

— Я иду, шеф! Прошу прощения, я, кажется, опоздал... Ну, кого из этих пристрелить? — Пьяный до невменяемости сипапоккул показался из-за угла, шаря мутным взглядом по толпе.

Стрелялка волочилась за ним по земле, на лбу набухала внушительных размеров гуля. Появление горе-снайпера встретила волна дружного хохота. Это оказалось последней каплей: Каракозо молча развернулся и тяжёлой трусцой бросился прочь, трясущимися руками нашаривая по карманам валидол. Спецагенты последовали его примеру. Недоумевающий сипапоккул вдруг громко икнул.

— Похоже, ты уволен, старина! — сочувственно похлопал его по плечу Громила. — Придётся тебе поискать другую работёнку!

—Уволен? — пробормотал Такери-Такери. — Какая чушь, я отличный снайпер... Почему уволен?

Но на него никто уже не обращал внимания.

Героем этого дня, безусловно, стал Фракомбрасс. Его пламенная речь (плод трудов Громилы) ошеломила всех. Репортеры строчили, как заведённые; немного поодаль Чырвен, старательно пряча за спину руку со сломанным пальцем, распространялся о бесчинствах и злоупотреблениях, вынудивших его обратиться в прессу с разоблачениями собственной организации. Обезьянцы из команды Ча несли вахту на прилегающих к месту действа улочках и крышах домов, чтобы вовремя предупредить о появлении стражи; впрочем, обошлось без этого. Сам Ча вразвалочку подошел к Громиле и с некоторой оторопью покачал головой.

— Ну и кашу ты заварил... Не боишься, что тебе пришьют укрывательство беглых преступников или государственную измену?

— Укрывательство? Измена? О чем ты, парень! Я преподнёс им Ёкарного Глаза, можно сказать, на блюдечке с голубой каёмочкой, а то, что они не смогли его задержать, — это уже их проблема. Ну, а на роль изменника куда больше подходит вон тот тип. — Он ткнул пальцем через плечо в сторону Чырвена. — Только не думаю, что до этого дойдёт: в глазах прессы он теперь герой!

— Ладно... А сейчас я хочу получить своё.

— Пожалуйста. — Громила вытащил вторую половинку карты. — Покажи это Ёкарному Глазу: увидишь, какая у него будет реакция.

— Вообще-то я рассчитывал на тет-а-тет...

— Ну, вот этого я тебе не обещал! — рассмеялся гориллоид. — Я, знаешь ли, теперь просто конферансье в этом спектакле...

Вечером того же дня Громила, Адирроза и Фракомбрасс сидели на крыше и любовались закатом. Небо было розовато-пурпурного оттенка, словно кто-то растворил в нём несколько крупинок марганцовки; у горизонта синела полоса низких облаков.

— Считай, ты у меня в долгу, сестрёнка, — посмеивался пират. — Ну, просто сам себя не узнаю: отвечаю добром на зло, спасаю бывших врагов... Скоро нимб над головой такой вырастет, что ночью читать можно будет без лампочки!

— Если уж я кому и задолжала, то только Громиле, а никак не тебе! — фыркнула сипапоккула. — Гро, правда... Я даже не знаю, что сказать...

—Да ну, брось... — смутился гори ллоид.

— Значит, теперь мои сокровища будут разыскивать ещё и городские манки? — спросил пират.

— Думаю, да. Вряд ли у Ча хватит ума продать карту кому-нибудь другому; скорее всего он решит попытать счастья сам. Он вообще довольно жадный парень. Скорее всего кто-нибудь шустрый ещё до ночи вставит ему перо под лопатку. Сам знаешь, такие новости быстро расходятся...

— Да уж... Кому-то в конце концов она достанется?

— Гм... Не знаю, но могу предположить — самому подлому из всей этой шатии. Может, попадёт в руки мафиози, а может, городской страже или военным, вся эта крупная рыба друг друга стоит.

— Интересно было бы позырить, как они схлестнутся с парнями в Либерлэнде, если всё же доберутся туда! Я бы поставил на своих — два к одному.

— Неужели ты не чувствуешь никакой ответственности за тех, кто там остался? — возмущённо спросила сипапоккула.

— Они уже большие мальчики и сами вполне могут о себе позаботиться, — лениво отмахнулся Ёкарный Глаз. — Учти, сестрёнка, любой из них с удовольствием спустил бы меня в гальюн, если бы я хоть раз дал слабину.

— Наверное, всё дело в том, что у тебя нет друзей, — задумчиво промолвила Адирроза. — И никогда не было.

— А у тебя они есть, малышка? Мы с тобой — одного поля ягоды; просто ты служишь... То есть служила своим хозяевам, а я — только себе.

— Ошибаешься, пират. У меня есть друзья. Теперь есть.

* * *

«Буб-буммм!»

С площадки Среднего Радиуса снова раздался гулкий удар. Здоровенный, вдвое больше человеческого роста барабан Безумных Метеорологов будет звучать всю ночь, возвещая, что праздник в честь возвращения реликвии удался на славу.

Каюкер ухмыльнулся.

Всё получилось даже лучше, чем он предполагал: радость Мардуха, получившего в руки Иннотов талисман, не знала границ — даже жесточайшее утреннее похмелье не смогло её омрачить.

Предыдущим вечером Иннот покинул зал Интеллектуальных Штурмов и Поединков фактически на бровях: несмотря на совершенно ясное сознание, ноги отказывались повиноваться напрочь. Старец так и уснул, положив лицо на стол, рядом с недоеденным огурцом. Иннот кое-как добрался до своей кельи, рухнул на постель и погрузился в сон. Самогонка сделала-таки своё дело: когда он достиг нужного градуса, всё встало на места. Теперь оставалось лишь завершить начатое.

Днём каюкер вволю напировался: несмотря на исключительно вегетарианский ассортимент, монастырские повара превзошли сами себя. Иерофант посоветовал отправляться в путь глубокой ночью — «ибо колдовству легче свершиться во тьме». Поразмыслив, Иннот нашел этот совет весьма разумным, правда, по иной причине — в темноте легче остаться незамеченным... Поэтому, наевшись до отвала, он на несколько часов «задал храпака», дав себе установку проснуться в два часа ночи, благо персонажики могли пробудить его с точностью до секунды.

— Ну что? Полезешь-таки в бутылку? — Старец улыбался удивительно благостно; видимо, днём он изрядно добавил на старые дрожжи.

— Ага.

— В таком случае давай поднимемся на Малый Радиус. Думаю, это подходящее место. И разгон там хорошо брать...

Каюкер не совсем понял насчёт разгона, но на всякий случай лишь пожал плечами — Малый так Малый. Весёлый азарт разгорался в его душе; откуда-то он совершенно точно знал, что задуманное обязательно удастся...

Ночь выдалась на диво тёплой и ясной: звёзды сияли в тёмном небе крупными алмазами; кругляш луны мерцал, словно начищенная до холодного блеска монета.

— Ты твёрдо решился? Понимаешь, для нас, хранителей древнего знания, послать кого угодно и куда угодно — в общем-то не проблема; зато обратный путь тебе придётся проделать самому.

— Ничего не поделаешь, я должен найти юного Хлю как можно скорее, — вздохнул Иннот. — Что-то у меня предчувствия нехорошие...

— Ну что же... В таком случае возвращаю тебе твоё. — Старец порылся в складках своего балахона и протянул каюкеру тяжёлый бумеранг.

— Я и забыл о нём! — Иннот повертел убивалку в руках.

На полированной поверхности виднелись глубокие вдавлины от зубов.

— Считай, я благословил твоё оружие, — усмехнулся иерофант.

— Ну ладно... Может, ещё свидимся!

— Я не сомневаюсь в этом, чужеземец! — Иерофант степенно пригладил бороду. — Нам, властителям погоды, лучше чем кому-либо известно, что случайностей в этом мире не бывает. Ты не просто так оказался здесь, и чёрная волшебная палочка попала в твои руки не зря...

— Ну, тут ты хватил! — Иннот ухмыльнулся. — Я, конечно, рад, что всё так сложилось; тем более, по твоим словам, потоп скоро прекратится; но ни за что не поверю, будто меня привели сюда некие высшие силы.

— Ты просто не понимаешь... Весь мир... — Старец широким жестом обвёл тьму за пределами обзорной площадки, — это огромная машина, шестерёнки которой незримо взаимодействуют, и каждое колесико, сдвинувшись с места, неминуемо приводит в движение остальные, раз за разом, ещё и ещё... Просто зубцы шестерёнок не замечают этого — они слишком маленькие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.